Министерство науки и высшего образования РФ
Пензенский государственный университет
Педагогический институт им. В.Г. Белинского

Козина Т.Н.

Модификация рождественского архетипа

Монография

ISBN 978-5-9907-2098-5

Тамбов
2020

ukonf.com/mon

УДК 8(47)82-3
ББК 83.3(2)

Козина Т.Н.
Модификация рождественского архетипа: Монография. Минобрнауки России, ПГУ. Тамбов: Консалтинговая компания Юком, 2020. 100 с.

ISBN 978-5-9907-2098-5
https://ukonf.com/doc/mon.2020.03.01.pdf

Рецензенты:
Тугаров А.Б., д.философ.н., проф., ПГУ, г. Пенза
Дорофеева Т.Г., к.философ.н., доц., ПГАУ, г. Пенза

Информация об авторе:
Козина Т.Н., д.культурологии, доц., зав. каф., ПГУ, г. Пенза

Компьютерная верстка: *Ларюшкина Н.В.*
Фото: *Дмитриева Е.А.*

Рассматривается вопрос о становлении жанра рождественского рассказа, выявляются его канонические признаки и отличие от святочного рассказа, а также исследуется проблема модификации рождественского архетипа в современном литературном контексте.

Монография может быть использована в образовательном процессе обучающихся по направлению подготовки «Педагогическое образование» (профиль «Русский язык. Литература») по дисциплинам: «История русской литературы», «Жанровое своеобразие русской литературы», «Современная русская литература»; (профиль «Начальное образование») по дисциплинам: «Детская литература», «Методика обучения литературному чтению»; а также по программе магистратуры «Художественно-эстетическое образование» направления подготовки «Педагогическое образование» по дисциплинам: «Чтение как феномен культуры», «История русской культуры», «Культура повседневности».

Информация об издании предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – **РИНЦ** по договору № 856-08/2013К

Электронная версия опубликована в **Электронной библиотеке** и находится в свободном доступе на сайте: **ukonf.com/mon**

Монография. Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 6,25
Издательство: Консалтинговая компания Юком
Адрес редакции: 392000, г. Тамбов, а/я 44
Тираж 500 экз. E-mail: mon@ukonf.com

© 2020, Козина Т.Н.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ....4

Глава 1. Развитие жанра рождественского рассказа....7

Глава 2. Рождественский архетип в современной прозе....20

Глава 3. Становление жанра святочного рассказа....46

Глава 4. Святочные произведения в современном творчестве....53

Заключение....67

Список используемых источников....69

Приложения....76

ВВЕДЕНИЕ

Жанр рождественского рассказа появляется в европейских литературах как отклик на главный христианский праздник в Западной Европе. Его мотивы были восприняты русской литературой. Однако заимствование осуществляется не механически, а на основе творческой переработки, определявшейся самобытными культурными традициями русского народа, его эстетическими представлениями.

В первой половине XIX века в России становятся известны произведения европейской литературы, посвященные теме Рождества Э.Т.А. Гофмана, Х.К. Андерсена и Ч. Диккенса. Уже в середине XIX века появляются русские произведения рождественской тематики.

Этот жанр обладает устойчивыми структурными свойствами, определенным сюжетом, и его публикация, как правило, приурочивается к праздничным дням. К теме Рождества обращаются многие писатели конца XIX – начала XX века (Л.Н. Андреев, Ф.М. Достоевский, А.И. Куприн, Н.Д. Телешов, А.П. Чехов), которые размышляют о милосердии, любви, сострадании, доброте, надежде.

Истоки святочного жанра – в русском фольклоре, в несказочной прозе: быличке и бывальщине. Интерес к ним был ограничен Святками. Названные жанры имеют установку на достоверность, их прикладное назначение – передать исторические, политические, религиозные, бытовые и другие новости, развеселить или напугать, дать нравственный урок.

Жанры рождественского и святочного рассказов не получили должного теоретического обоснования. Неразграничение этих жанровых форм ведет к неверной трактовке произведения. В ходе исследования выявлены различия в жанрах рождественского и святочного рассказов.

Интерпретируя рождественские произведения следует исходить из природы праздника, давшего название жанру. Без чуда не может состояться ни одно произведение, относящееся к рождественскому жанру. Поэтому основной принцип развития сюжета – устремленность к чудесному событию (неожиданная помощь, обновление жизни, любовь действенная, традиции рождественской благотворительности).

Возрождение годового православного круга, восстановление прежней обрядности способствуют появлению новых произведений рождественской тематики. Среди текстов встречаются традиционные, в которых национально-религиозная самобытность выходит на первое место в системе ценностных приоритетов. Время действия в них точно вписывается в жанровые рамки. Мотив любви к ближнему становится частью мира, созданного писателями.

Но в основной массе современных произведений рождественской тематики констатируются различные модификации жанра, исследование которых представлено в монографии.

Цель исследования состоит в изучении рождественского архетипа русской ментальности, который находит свое отражение в отечественной прозе 1990 – 2000-х годов. В соответствии с целью были определены следующие задачи:

– исследовать развитие архетипа «Рождество» в современной русской прозе;

– выявить истоки рождественского и святочного рассказов;

– определить и описать трансформацию рождественского архетипа в литературе.

Научная новизна работы заключается в комплексном исследовании рождественского архетипа в современной русской прозе, определяются основные тенденции его развития и жанровые модификации.

Материалом исследования являются прозаические тексты отечественных авторов 1990–2000-х годов. **Методология** работы опирается на системный подход к изучению феноменов духовной культуры. Этот подход реализуется на основе использования прикладных методов типологизации,

сравнения и анализа, которыми оперируют такие гуманитарные отрасли знания, как литературоведение, культурология и эстетика.

Представленные в монографии иллюстрации являются творческими работами бакалавров профилей «Изобразительное искусство» и «Музыка. Изобразительное искусство» педагогического института им. В.Г. Белинского Пензенского государственного университета.

Глава 1.
Развитие жанра рождественского рассказа

Изменение общественного статуса православной церкви дает возможность верующим свободно исповедовать свою веру, посещать службы в храме, совершать религиозные обряды. Постепенно возрождается широкое празднование Рождества. Восстановление обрядности происходит через обращение к дореволюционной традиции, описание которой сохраняется в произведениях русской культуры.

В русской прозе XIX века был популярен жанр рождественского рассказа, обладавший устойчивыми структурными свойствами. Рождественские рассказы имеют определенный сюжет, и их публикация, как правило, приурочивается к праздничным дням.

Д.С. Лихачев в книге «Поэтика древнерусской литературы» приходит к выводу о том, что Русь изначально «складывалась на основе диалога с Европой» [48, с. 12]. И этот «диалог», начавшись во времена Древней Руси, продолжается из века в век, особенно усиливаясь в XIX столетии. Сегодня можно говорить об *уникальном своеобразии русской рождественской прозы, впитавшей христианские художественные традиции Европы, но адаптировавшей их к русской ментальности.*

В первой половине XIX века в России становятся известны произведения европейской литературы, посвященные теме Рождества, Э.Т.А. Гофмана «Повелитель блох» (1822), «Щелкунчик и Мышиный король» (1823). Затем появляются переводы «Сказок, рассказанных для детей» (1835–1837) Х.К. Андерсена и «Рождественских повестей» (1843–1846) Ч. Диккенса.

С этого времени сказки «Елка», «Маленькая продавщица спичек» Андерсена и повести «Рождественская песнь в прозе», «Колокола», «Сверчок на печи» Диккенса входят в круг семейного чтения, тематически обогащая его.

Первые русские произведения рождественской тематики появляются в середине XIX века. В 1834 году выходит повесть «Ночь на Рождество Христово» московского писателя и актера К. Баранова. В 1835 году в журнале «Московитянин» публикуется повесть «Зимний вечер» Д.В. Григоровича.

К теме Рождества обращаются многие писатели конца XIX – начала XX веков, развивая наметившиеся во второй половине XIX века традиции. Авторы рождественской прозы пишут о вечных проблемах милосердия, любви, сострадания, доброты, надежды. Среди наиболее известных следует назвать рассказы «Ангелочек» Л.Н. Андреева, «Мальчик у Христа на ёлке» Ф.М. Достоевского, «Тапер», «Чудесный доктор» А.И. Куприна, «Ёлка Митрича» Н.Д. Телешова, «Ванька» А.П. Чехова.

Культурная картина русского мира начала XX века презентует определенные *рождественские традиции*. В статье «Безвременье» (1906) А.А. Блок называет Рождество «самым чистым и светлым праздником». Поэт выделяет в качестве главного, объединяющего всех людей в этот день чувства – *чувство «домашнего очага».*

Оно и является одним из канонических элементов жанра: «Праздник Рождества был светел в русских семьях, как елочные свечки, и чист, как смола. На первом плане было большое зеленое дерево и веселые дети; даже взрослые, не умудренные весельем, меньше скучали, ютясь около стен. И все плясало – и дети и догорающие огоньки свечек» [11, с. 66]. Блок называет *суть Рождества*: праздник делает центром отношений в семье – любовь и объединяет вокруг этого чувства всю семью.

Исследование *истоков рождественского жанра* убеждает, что обычай ставить елку в доме на Рождество в Россию принесли немцы-христиане, сохранившие и на чужбине обряд предков. Украшенная сладостями и свечами ель является одним из элементов Рождества. *Рождественская символика* основывается на словах пророка Исаии о Спасителе: «И произойдет отрасль от корня Исеева, и ветвь произрастет от корня его» (Ис. 11, 1).

Боровская О. Праздничный натюрморт

Украшение ветвей елок свечами и сладостями показывает, что природа человека без Иисуса Христа бесплодна. Он – источник жизни, света и радости. В православных храмах ели устанавливают в Сочельник. Рождественскую ель венчает *Вифлеемская звезда*. В XIX веке в России прививается традиция класть подарки под ёлку в память о приношении волхвами даров Богомладенцу (Мф. 2, 9–11). В этом обычае проявляются *традиции милосердия и сострадания*.

Зажженная свеча в ночь под Рождество в рассказе А.П. Чехова «Ванька» преображает внутренний мир произведения. Свеча стоит перед мальчиком, сочиняющим письмо в деревню. Но свет ее отражается в окне, освещая заоконное пространство. В рассказе Чехова *свеча становится символом надежды на рождественское чудо.*

Традиция посещения всей семьей рождественской службы в храме – это не только повод обновить внутрисемейные отношения, объединить всю

семью, но прежде всего – это праздник преображения человека, когда сердце каждого, «принимая Христа, становится Вифлеемскими яслями» [35, с. 100].

Рождественский детский праздник превращается в центр, объединяющий семью в рассказе «Тапер» (1900) А.И. Куприна. Вся семья участвует в подготовке детского утренника. Автор передает восторг маленьких гостей от красоты наряженной елки. Любовь, объединяющая семью Рудневых, становится действенной, что и является одним из признаков *рождественской прозы*.

Дубинкин Н. Рождество

Когда отец семейства разглядел талант маленького тапера, он не замедляет с помощью бедному ребенку. Пользуясь случаем, Аркадий Николаевич знакомит Юру Азарова со своим гостем – А.Г. Рубинштейном: «Радуюсь, что у меня на елке вам совсем случайно выпал такой подарок» [45, т. 3, с. 472].

Из развязки рассказа известно, что мальчик впоследствии становится талантливым композитором.

Рождество – это праздник надежды на обновление жизни, преобразование земного мира. Под влиянием праздника на Руси складывается традиция благотворительности. Этот обычай прекрасно проиллюстрирован в рассказе «Чудесный доктор» (1897) Куприна, в основе которого – евангельский мотив *о добром самарянине*. Помощь, оказанная самарянином, была внимательна, любовна и серьезна, без ожидания какой-либо награды или выгоды. Это было действие милующего сердца (Лк. 10, 30–37).

Погибающую от голода и болезней семью потерявшего работу Мерцалова спасает незнакомый человек. Он не только назначает лечение больной дочери героя рассказа, но и дает денег на еду, дрова и лекарство. Кроме того, оставляет несколько крупных кредитных билетов. «Чудесным доктором» оказался профессор Н.И. Пирогов. После его визита жизнь семьи волшебным образом изменяется.

Оба произведения написаны Куприным специально для рождественских номеров периодических изданий. К празднику Рождества на страницах газет и журналов публикуются *рождественские рассказы*. По бытовавшей традиции их читают в кругу семьи, не относя к какой-либо возрастной категории.

Исследователи рождественской прозы Е.В. Душечкина и Х. Баран считают, что на рубеже XIX–XX веков исследуемый жанр «отработал свои возможности». И как следствие этого, появляются пародии [26, с. 25]. Причина появления пародийных модификаций рождественских рассказов нам видится не в «усталости» жанра, а в духовном состоянии общества. В упоминавшейся статье «Безвременье» Блок замечает, что красота Рождественского праздника уходит. В семьях царят скука и пошлость, которые прозорливый поэт представляет в образе «липкого паука». «Чистые нравы, спокойные улыбки, тихие вечера – все заткано паутиной, и самое время остановилось. Радость остыла, потухли очаги. Времени больше нет. Двери открыты на вьюжную площадь» [11, с. 70].

Рассказы «Рождественский день у Киндяковых» А.Т. Аверченко, «Рождество» Н.А. Лейкина, «Рождественский мальчик» Ф. Сологуба, созданные в этот период, являются *антирождественскими*. В них царят бездушие, грубость, показные благотворительность и гостеприимство, нелюбовь, злоба,

отсутствие сострадания и милосердия. Нота безмерного отчаянья звучит в рассказе «Ангелочек» Л.Н. Андреева, автор выражает в нем свой страх перед безумием мира.

Начало XX века отмечено тяжелыми историческими и социальными потрясениями: русско-японская война, революция 1905–1907 годов, Первая мировая война. На наш взгляд, эти исторические события создают ситуацию для патриотического подъема в стране, возникает потребность в объединяющей людей идее, обществу необходим идеал. Жанровые особенности рождественского рассказа отвечают этим чаяниям, поэтому в периодические издания возвращается традиция публикации рождественских произведений.

После революционных событий 1917 года *традиция публикации рождественских рассказов утрачивается*: одни культурные парадигмы сменяются другими. Исследуемый жанр исчезает из контекста эпохи. Произведения Куприна, Телешова, Чехова и др. интерпретируются как тексты острой социальной тематики и переводятся в раздел детской литературы. Полной иллюстрацией этого является интерпретация рассказа Чехова «Ванька» современными культурологами, педагогами и литературоведами. Так, Душечкина считает, что в этом рассказе писатель «ищет новые пути святочного жанра в разработке «антирождественских мотивов, использование которых в русской литературе … имело целью показать несоответствие сути праздника безжалостной реальности жизни» [27, с. 225].

Другой исследователь – С.Т. Кормилов определяет «наивный адрес» как «художественную реальность», то есть, – делает вывод ученый, – «отрицательный факт все-таки имеет место» [40, с. 150].

Исследователь творчества Чехова – Н. В. Капустин отмечает, что «надпись на конверте, недвусмысленно говорящая, что письмо не дойдет», напоминает о реальности и «создает тот драматический художественный эффект, который позволяет назвать «Ваньку» в числе лучших чеховских рассказов» [38, с. 51].

Подобную точку зрения разделяет М.М. Дунаев, считающий, что «Константин Макарыч никогда не получит письма, и светлая надежда обернется тьмою… Ваньке неизбежно представится, что он никому не нужен, что его

бросили и оставили в безнадежности… Дед же… ничего не сделает для внука. Ребенок переживет тяжелейшее потрясение, ощущение оставленности, заброшенности» [25].

Прав, на наш взгляд, И.А. Есаулов. Он – единственный, кто учитывает форму произведения Чехова. «Жанр рождественского рассказа совершенно преображает то внешнее «содержание», к которому и сводят обычно «смысл» чеховского произведения. Перед нами сюжет о светлом рождественском чуде» [31, с. 52]. Опираясь на текст рассказа, исследователь приводит основательные доводы, считая его «художественным шедевром Чехова, а не образцом социально-обличительной беллетристики» [31, с. 51–52].

Поддерживая справедливое замечание Н.Д. Тамарченко о том, что при анализе рассказа следует исходить из его жанровой природы [52, с. 109–110], отметим принадлежность рассказа «Ванька» к рождественскому жанру. Он был опубликован в «Петербургской газете» в разделе «рождественские рассказы» 25 декабря 1889 года. Добавим, что подобные произведения предназначались для семейного чтения, их основная цель – объединить всю семью вокруг рождественского чуда.

Выделим основные жанровые признаки. События происходят в ночь под Рождество. Это традиционное время действия рождественского рассказа. «Герой принимает молитвенную позу» [31, с. 53]: мальчик пишет письмо, стоя на коленях. В его письме содержатся поздравление с Рождеством и пожелание дедушке «всего от Господа Бога». Горящая перед мальчиком свеча отражается в окне. Ванька отвлекается от письма и представляет рождественскую ёлку, за которой они ездили с дедом. Кроме того, главный герой произведения Чехова – сирота. В комнате, где Ванька пишет письмо, присутствует икона, являющаяся проекцией образа того, кто на ней изображен. Свеча не просто отражается в окне. Известен старинный рождественский обычай ставить в ночь под Рождество на подоконник свечу. Она символизирует готовность принять приход Спасителя. Рождение Иисуса Христа в пещере, в яслях, объясняется большим стечением народа в Вифлеем. По этой причине для Святого семейства не нашлось места ни в одном доме города (Лк. 2, 1–7).

Ситникова Л. Вертеп

В рассказе «Ванька» Чехова говорится о рождественском подарке. В письме мальчика содержится просьба взять у барышни Ольги Игнатьевны подарок – золочёный орех. Таким образом, в тексте присутствуют все образы и атрибуты рождественского жанра. В рождественской прозе обязательно наличие чуда. И оно несомненно произойдет: «Невозможное человекам возможно Богу» (Лк. 18, 27). Возможен такой вариант «чуда». Дедушка или кто-то из деревенских, посланный по делам в Москву, может навестить Ваньку и изменить судьбу ребенка.

Чехов был верующим человеком. Из воспоминаний родственников писателя известно, что он «ни одной пасхальной ночи не провел в постели и отправлялся бродить по церквам, слушая колокольный перезвон и посещая праздничную службу». Писатель говорил: «Лучше и красивее церковного звона ничего нет; так я его люблю» [41, с. 122].

Для изображения социальной несправедливости прозаик выбирает другое время и другие жанры. Таким образом, интерпретация рассказа «Ванька» как произведения, посвященного социальной проблематике,

закрепляется в советском литературоведении и продолжает, вопреки его жанровой природе, существовать.

Архетип Рождества проявляется в известных произведениях советской эпохи – рассказах В.Д. Бонч-Бруевича «Ёлка в Сокольниках», А.П. Гайдара «Чук и Гек», М.М. Зощенко «Ёлка». Эти рассказы несколько сентиментально напоминают о *вечных жизненных ценностях – детях, доброте, семейном счастье*. Они свидетельствуют о том, что в советскую эпоху рождественская проза укрылась в нише детской литературы.

Влияние насаждавшегося в обществе атеизма проявляется в них через *реформирование временной составляющей*. События смещаются в день празднования Нового года. В череде советских праздников Новый год остается для людей «волшебным»: только в это время могло совершиться чудо.

Эта мысль подтверждается современным контекстом. В романе В.А. Шарова «Будьте как дети» есть эпизод, рассказывающий о рождественской ёлке в Горках. Автор подробно описывает, как в Сочельник 1924 года дети водят хоровод, «для конспирации вместо «славы Спасителю» поют «Варшавянку» [81, с. 75]. Смертельно больной Ленин сидит в кресле-качалке и с улыбкой смотрит на ребят. Сестра – Мария Ильинична укрепила на макушке дерева Вифлеемскую звезду.

По мнению Шарова, позднее чекисты, желая запутать современников, меняют дату проведения ёлки, перенося её то на Новый год, то на старый Новый год. А советские художники на своих картинах изображают пятиконечную звезду.

Тонкий и внимательный прозаик – Зощенко одним из первых заметил, как в советском обществе *утрачиваются прежние культурные паттерны* и *происходит полный переход на новые*. В рассказе «Ёлка» он изображает, как праздник перетек в скандал.

С 1926 года украшение ёлки попадает под запрет: в стране начинается антирелигиозная кампания. На заседании партконференции 1929 года было принято решение о запрещении празднования Рождества.

Горбачева М. Рождественский натюрморт

Время действия рождественского рассказа в произведениях русских писателей XIX века всегда связано с Сочельником и Рождеством. От этой временной парадигмы отходят и писатели русского зарубежья. У И.А. Бунина есть небольшой рассказ «Святитель» (1924). В нем тонко и изящно определяется суть Рождества: *праздник всегда обращает людей к Богу*. Автор сообщает, что событие, о котором пойдет речь, произошло двести лет назад. Бунин не называет имени святителя, но после прочтения рассказа читатель догадывается, что его герой – святой Русской православной церкви, церковный писатель, митрополит Димитрий Ростовский (1651–1709).

Вероятно, время действия рассказа связано с 9 ноября (память святого церковь чтит 10 ноября). «В некий зимний день» святитель почувствовал себя «особенно слабым и умиленным». Призвав к себе молодых монахов, он обращается к ним с просьбой:

– Милые братья, хотелось бы мне послушать мои юношеские песнопения во славу пречистого Рождества Господа нашего Иисуса Христа, красоты нашей неизреченной.

Тихое песнопение святитель «слушал, часто плача и закрывая глаза рукой» [15, т. 6, с. 231]. В рассказе Бунина присутствует *ощущение Рождества, благоговения перед чудом*.

В начале 1990-х годов *рождественский жанр возвращается*. Этому способствуют публикации тематических сборников, переиздания произведений классиков русской литературы, появление творческих конкурсов. Например, в Республике Мордовия ежегодно с 1996 года проводится конкурс «Рождественская звезда», в котором принимают участие писатели, музыканты, художники и фотографы из разных городов России. «Все авторы имеют активную жизненную позицию и ищут возможные формы выражения веры» [58, с. 3].

К сожалению, авторы исследований о рождественском жанре не разграничивают понятия «рождественский» и «святочный» рассказы. Так, в книге «Рождественская проза в русской литературе XIX–XX веков» Г.В. Пранцова пишет: «…термины «рождественский рассказ» и «святочный рассказ» мы используем в данной работе как синонимы» [57, с. 44], а Н.Н. Старыгина в работе «Лесков в школе», определяя специфику святочного рассказа, называет канонические признаки рождественского рассказа [63, с. 78–79].

Таким образом, можно сделать вывод, что жанры рождественского и святочного рассказов на протяжении XIX–XX веков не получают теоретического обоснования. Неразграничение этих жанровых форм ведет к неверной трактовке произведения. В ходе исследования выявлены различия в жанрах рождественского и святочного рассказов.

Интерпретируя рождественские произведения, следует исходить из природы праздника, давшего название жанру. Без чуда не может состояться ни одно произведение, относящееся к рождественскому жанру. Поэтому основной принцип развития сюжета – устремленность к чудесному событию (неожиданная помощь, обновление жизни, любовь действенная, традиции рождественской благотворительности). Здесь присутствуют непременные *атрибуты* этого праздника – ель, звезда, ясли, свечи, подарки, *традиционные герои* – семья, сиротка, вводится малая фольклорная форма христославья.

Жанр рождественского рассказа появляется в европейских литературах как отклик на главный христианский праздник в Западной Европе. Его мотивы архетипически были восприняты русской литературой. Однако заимствование осуществлялось не механически, а на основе творческой переработки, определявшейся самобытными культурными традициями русского народа, его эстетическими представлениями.

Можно говорить об уникальном своеобразии русской рождественской прозы, впитавшей христианские художественные традиции Европы, но адаптировавшей их к русской ментальности. В первой половине XIX века в России становятся известны произведения европейской литературы, посвященные теме Рождества, – Андерсена, Гофмана и Диккенса.

Первые русские произведения рождественской тематики появляются в середине XIX века. Этот жанр обладает устойчивыми структурными свойствами, определенным сюжетом, и его публикация, как правило, приурочивается к праздничным дням. К теме Рождества обращаются многие писатели конца XIX – начала XX века, развивая наметившиеся во второй половине XIX века традиции. Авторы рождественской прозы пишут о вечных проблемах милосердия, любви, сострадания, доброты, надежды.

Начало XX века отмечено тяжелыми историческими и социальными потрясениями. Эти исторические события создают ситуацию для патриотического подъема в стране, возникает потребность в объединяющей людей идее, становится необходимым идеал. Жанровые особенности рождественского рассказа отвечают этим чаяниям, поэтому в периодические издания возвращается традиция публикации рождественских произведений. Культурная картина русского мира этого периода презентует определенные рождественские традиции, в качестве главной, объединяющей всех людей в этот день идеи – идею «домашнего очага».

После революционных событий 1917 года традиция публикации рождественских рассказов утрачивается: одни культурные парадигмы сменяются другими. Исследуемый жанр исчезает из контекста эпохи. Произведения интерпретируются как тексты острой социальной тематики и переводятся в раздел детской литературы. Но, несмотря на запрет, наиболее значи-

мые формы продолжают существовать не только в народном сознании, но и в его бытии, претерпев некоторые модификации.

Влияние насаждавшегося в обществе атеизма проявляется в них через реформирование временной составляющей. События смещаются в день празднования Нового года. В череде советских праздников Новый год остается для людей «волшебным»: только в это время может совершиться чудо.

Глава 2.
Рождественский архетип в современной прозе

В конце 1980-х годов, согласно социологическим исследованиям, в России «повышается тяготение к религии, прежде всего православной» [75, с. 663]. Возрождается празднование Рождества, а вместе с этим происходит восстановление прежней *обрядности*.

В обществе восстанавливаются традиции посещения торжественной литургии, встречи всех членов семьи за празднично накрытым столом, обмен подарками. Многие люди стараются, хотя бы в эти дни, оказать *благотворительную помощь* нуждающимся.

Обращение к *христианским традициям*, возрождение годового православного круга способствуют появлению новых произведений рождественской тематики. Среди культурных текстов встречаются такие, в которых *национально-религиозная самобытность* выходит на первое место в системе *ценностных приоритетов*. К их числу можно отнести «Зимние ступени» (2003) В.Н. Крупина.

Время действия произведения точно вписывается в рамки жанра рождественского рассказа. *Мотив любви к ближнему*, наиболее отвечающий самому духу христианства, становится частью мира, созданного писателем. В экспозиции автор подробно описывает место и время действия. В вятском селе Великорецком, где шестьсот лет назад явилась чудотворная икона святителя Николая, в Сочельник идёт подготовка к Рождественской службе.

Выбрав местом действия рассказа полузабытую деревню, автор убеждает в том, что *русское народное сознание* сохраняется в подобных местах, где христианские традиции имеют *глубокие корни*. Рассказ наполнен *светом ожидания* праздника, утверждением неизбежности наступления Рождества.

Гембель А. Храм

Крупин использует монтажную композицию, она даёт ему возможность разбить повествование на мелкие эпизоды. В первом – Василий и Аркаша расчищают дорогу от храма к чудотворному источнику: «… старухи пойдут, благодарить будут» [43, с. 24–25].

Герои произведения готовятся к приближающемуся празднику с осознанием своей *греховности* и в то же время *стремлением к смирению и благочестию*. В этом рассказе звучит *мотив соборности*. Он проявляется в коллективном согласии, единодушном участии верующих в жизни мира и

церкви. Крупин *возрождает* дореволюционную *культурную традицию* написания рождественских рассказов.

В последнем, третьем, фрагменте описывается Рождественская служба: народу «в церкви стеной». И каждого автор наделяет чувством *благолепия, видением красоты духовного мира*. В этом мотиве возникает *рождественское чудо* рассказа «Зимние ступени». За фрагментарностью эпизодов в конце произведения открывается единство замысла писателя. Через заглавие, композиционную организацию автор показывает *духовную связь* простых людей с родной землей, культурой, бытием русского народа. Завершающий рассказ пейзаж простирает воздействие *божественной благодати* на весь мир: «Звонят колокола. В морозном солнечном воздухе звуки их чисты и слышны далеко окрест» [43, с. 27].

Мотив Рождества вводится в рассказ Д.В. Щелокова «Перед Рождеством» (2008) через сильную позицию текста. Он звучит в названии и, появляясь в первом абзаце и в конце текста, организует кольцевую композицию произведения. Эта рама *проливает золотой свет* на мрачную картину жизни российской деревни.

Описание подготовки героини *к празднику* создает радостное, приподнятое настроение: «Солнце путалось в измороженном, затянутом льдом окне и искрилось в елочной мишуре между фрамугами. Александра Герасимовна, раскрасневшаяся на крепком морозце, вошла в избу и положила на выбеленный подоконник сломленную ветвь огненной звенящей рябины, отошла к дверям посмотреть на праздничное убранство» [83, с. 25].

Вера героини является *мотивирующей основой* её поведения. Завершив убранство дома, Александра Герасимовна спешит за покупками для праздничного стола. В пустой деревне зимуют двое – она и её сестра Клавдия, но живут в разных домах, почти не общаясь. Только *доброта, смирение* и *терпение* Александры Герасимовны создают видимость каких-то взаимоотношений. Она покупает и приносит необходимые продукты с трудом передвигающейся сестре.

Дубинкин Н. Зимний этюд

Рождественское чудо воссоединяет родных. Пережитое Клавдией сильное волнение из-за долгого отсутствия героини заставляет её забыть прежние обиды и сделать ответный шаг навстречу сестре, терпеливо ожидавшей этого на протяжении многих лет. Праздник Рождества, как это и должно быть согласно жанровым канонам, *преображает* и ее *душу*.

Авторы некоторых современных рождественских рассказов сумели увидеть и зафиксировать в своих произведениях процесс *социальной аномии*.

«Рождественский романс» (2005) М.А. Бонч-Осмоловской представляет собой инвариант празднования Рождества, реализованный в немецкой культуре, соответствующей тому уникальному разнообразию, в котором герой живет.

Главный герой – удачливый менеджер гостиницы для иностранцев, Ганс недавно женился на немке из Казахстана. До наступления Рождества ему необходимо купить новую машину, которая отражала бы его реальный статус в обществе.

Ощущение восприятия праздника как некоего украшения жизненного сценария усиливается до кульминационного эпизода. Кульминацией

рассказа становится описание радостного чувства, охватившего героя при звуках органа: «Тепло вошло в Гансово сердце, он простил всех, и от этой любви слезы побежали по его щекам, открывая и наполняя душу счастьем понимания себя как нового и лучшего…» [13, с. 85].

Кажется, что произошло *чудо преображения*. Ощущение счастья, вызванное в начале рассказа удачной покупкой машины, любовью к молодой жене, переходит в новое качество. Герой открывается *для божественной любви*, чувство переполняет его и Ганс готов наделить этой любовью всех окружающих.

Боровская О. Праздничный натюрморт

Сцена празднования Нового года становится резким контрастом рождественским эпизодам и обрывает рассказ. Автор подготавливает финал описанием нарастания в молодых людях под влиянием алкоголя внутреннего напряжения: «Побежал огонь, откуда взялся? Из тайных глубин? … бушует, дьявольская лава и огонь – не тронь! Душа всякого Гансова друга – это то, что лучше не копать. Только копнешь – рванет…» [13, с. 86].

Происхождение жестокости и злобы определено – *«дьявольская лава».* Она толкает молодых немцев на улицу, чтобы поджигать машины иностранцев, подкладывать петарды в салон. Эта выходка зрелых мужчин характеризует нравственно-психологическое состояние индивидуального и *общественного сознания* в период кризиса.

«Дьявольская лава» разливается по всему городу, только что отпраздновавшему Рождество. Почти во всех переулках горят машины иностранцев. Финал рассказа открыт. В новогоднюю ночь Ганс теряет не только новую машину, главное – *утрата* только что обретенной *божественной любви* и *правды*. Таким образом, *национальная доминанта культуры* в поведении оказывается сильнее, чем *религиозная*.

Распространенное в Германии мужское имя «Ганс» способствует созданию типического образа героя. Бонч-Осмоловская рисует в своем произведении портрет рядового, среднего немца, для которого блага земные превыше всех *благ небесных*. Нежелание дать труд своей душе, стремление к замкнутой жизни, неприязнь к людям другой национальности обнажают *бездуховность* человека западного мира.

Следует отметить, что в рассказе Бонч-Осмоловской «Рождественский романс» есть сцены, в которых герои ощущают себя единой семьёй. Это эпизод в храме, когда все присутствующие растроганы до слёз, а Ганс «почувствовал огромную радость, наполненность горячим, сердечным чувством, приятие всего вокруг: людей с их поступками, событий, нарушавших точное течение жизни, как, например, недостроенная дорога, смеющиеся турки в кафе, негр в готическом храме или Ритин акцент...» [13, с. 85].

Второй эпизод, где звучит мотив объединения людей всего мира в одну семью – это утренняя сцена после Рождества, монолог поляка.

В подтексте содержится сравнение восприятия Гансом Рождества с романсом. «Романс» – песня, лирическое стихотворенье для пения с музыкой» [24, с. 103]. Название текста создает аллюзию на евангельскую сцену о сеятеле (Мк. 4, 18-19).

В этой главе Евангелия от Марка Иисус Христос разъясняет апостолам притчу о сеятеле, где под сеятелем понимается Бог. Он вышел в мир сеять

семена Божественного слова – семена жизни. Житейские заботы, подобно сорнякам, забивают в душе человека доброе семя и опустошают душу.

В течение нескольких дней Ганс живет под воздействием слова Божия, и душа его ликует. Но радость оказывается краткой, как романс. Имея слабую веру, не совершая никакого труда души, он обольщается злом мира сего и теряет полученную благодать.

В.Ф. Семенов дает своему рассказу необычное название «Рондо на день Рождества Христова» (2008). Сильная позиция названия влияет на композицию текста. Вынесенное в заглавие произведения слово «рондо» указывает на главенство библейских эпизодов и мотивов в замысле автора, на подчиненность современных эпизодов текста. Сцены из Евангелия написаны ритмизированной прозой, каждый образ зримо и ярко выписан. Прием ретардации, характерный для ранних эпических форм, также подчеркивает центральное положение библейских сцен.

К композиционной особенности рассказа относится удвоение центрального события – убийства детей. Принцип дупликации можно объяснить тем, что это событие, напрямую связанное с *идеей* произведения, выявляет расчетливую сущность современного мира. Нельзя говорить о зеркальном отражении сюжетообразующего события. В евангельских эпизодах солдаты выполняют жестокий приказ, а в современных сценах потенциальные матери добровольно убивают детей.

Рефреном стал *мотив Рождества* Христова, перебивающий диалоги героинь. Название определяет точное время действия рассказа – 7 января. Указание на время действия присутствует в тексте: «На улице грязь. Рождество и грязь. Какая плохая зима!» [61, с. 10].

Рассказ имеет кольцевую композицию: евангельская тема начинает и завершает произведение. В экспозиции дано описание той ночи в Вифлееме, когда родился Христос. Автор в собственный текст вводит цитату из Евангелия: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человецех благоволение!» (Лк. 2, 14).

Дубинкин Н. Заснеженный лес

Местом действия выбран роддом, а точнее – палата, где лежат четыре женщины после операции аборта. У героинь рассказа говорящие имена: Вера, Надежда, Любовь, Софья. Основная композиционная форма речи – диалог, из которого становится известна жизненная ситуация персонажа. В монологах героинь присутствуют аллюзии на библейские образы, эпизоды, понятия.

Прямая речь обнажает циничность, хамство, озлобленность некоторых из персонажей. Прозаик вводит в ткань произведения вульгаризмы, бранные слова, доводя описываемую ситуацию до абсурда. На первый взгляд кажется, что *чудо* не происходит. Оба повествовательных плана (евангельский и современный) трагичны. В древней части рассказа все остается исторически точным; современный план рассказа дает надежду на *чудо*: в героинях пробуждается *совесть*. В сценах из современной жизни автор выступает как мастер эпизода. С помощью точных деталей и фраз он тонко передает *атмосферу эпохи начала 1990-х годов*.

В рассказе «Приставная лестница» (2005) Л.Е. Улицкая реалистично показывает послевоенный быт. Сюжет основан на событиях жизни участника Великой Отечественной войны, инвалида Василия Лошкарева и его семейства. Писательница строит повествование по кумулятивной схеме: с нарастанием количественных и качественных подробностей. Растет число детей вечно пьяного, ни во что не вникающего Василия. С каждым днем он становится злее и все более жестоко истязает свою жену.

Семья живет очень бедно. Отец вырезает предметы из дерева, мать продает их на Тишинском рынке, часто ей помогает дочь. Нина – подросток, она не по годам житейски умна. Тяжелая, беспросветная жизнь наводит ее на мысль об убийстве отца.

Живя в страшной нужде, испытывая страх от угроз вечно пьяного Василия, семья не знает праздников – ни советских, ни религиозных. В борьбе за выживание Нина не осознаёт, что убийство отца она задумывает на Рождество. Вместо уподобления *Святому Семейству* в этот праздничный день семья Лошкаревых окончательно ассимилирует. В поведении её членов усиливается *тварное начало*.

Но все же, как и положено в этом жанре, развязкой произведения становится *чудо*. Две «боговерующие старухи», возвращавшиеся после Рождественской службы, замечают лежавшего Василия и заботятся о нем.

В финале писательница *утверждает победу любви, гармонии, согласия, обновления жизни, бесконечность стремления мира к обретению божественной сути*.

Таким образом, авторы современных *рождественских произведений* показывают, что возникновение *аномии* в условиях социокультурного кризиса ведет к *варваризации* общества.

Культурные тексты отражают те *трансформации*, которые претерпевает общество. В современной прозе появляются отдельные произведения, которые, начав развиваться согласно классическим канонам рождественского жанра, резко переходят в иную плоскость, демонстрируя признаки святочного рассказа. Следовательно, через *модификацию* рождественского рассказа авторы исследуют *деперсонализацию бытия*, являющуюся результатом пренебрежения *уникальностью* и *неповторимостью человеческой индивидуальности*.

В рассказе Б.П. Екимова «Праздник» (2010) повествуется о том, как несколько молодых людей, уроженцев хутора Иванушкин, приезжают на Рождественские каникулы на родину. Молодые люди устраивают посиделки в доме Буканихи, где хозяйничает ее внук – Васька, по прозвищу Дрот.

Экспозиционные сведения о каждом герое рассыпаны в разных частях рассказа. Молодых людей объединяет одно – *неприкаянность*. Никто из них не создал семьи, не имеет постоянных места жительства и работы. В отпуск и на праздники они приезжают в родной хутор, где все знакомо и удобно. Проходят годы, жизнь героев рассказа пребывает в замершем состоянии, а сами они ожидают чего-то.

Воспоминания старой крестьянки о праздновании Рождества заостряют проблему *преемственности элементов и ценностей культуры* в поступательном развитии общества: «Бывалоча, на эту пору хутор гудит, как ярмонка… На улицах людно, ребятня мыкается, молодежь. С горы на шкурах, на санках катаются. На вечорки собираются, готовятся христославить» [29, с. 57].

Но между поколениями «отцов» и «детей» существует *коммуникационная нестыковка. Поведенческие образцы*, которыми оперируют молодые герои, заимствованы ими из телевизионных фильмов криминального жанра. Господствующая *реальность* определяет их дальнейшие действия.

Рафикова Р. Рождественская ночь

Память Васьки Дрота сохраняет такой элемент культурного наследия, как *христославье*. По традиции накануне Рождества или в первые дни Рождества мальчики ходят по деревне со звездой. Остановившись под чьими-то окнами, поют. Хозяева оделяют детей за добрые пожелания мелкими монетами.

Герои рассказа Екимова чудовищным образом *трансформируют* этот народный обычай. Бездомный Ваня Шнурок, бывший в первые дни Рождественских каникул исполнителем мелких поручений, неожиданно для всех восклицает:

– Не славить надо, не просить подаянку, а за горло брать! За горло! [29, с. 61].

Он отправляется к давней бабушкиной подруге. Столкнув хозяйку в открытую яму погреба, Шнурок забирает не только праздничные припасы, но и деньги.

Распаленный удачей и вниманием красавицы Королихи, Ваня Шнурок предлагает всем отправиться *«христославить»* к Бугру – «бывшему бригадиру, ныне торговцу и фермеру» [29, с. 60]. Рождественская традиция катания с горы на шкурах и на санках *замещается* поездкой на тракторе. Прицепив к нему сани, захватив ракетницу и ружье, компания едет на край хутора.

«Христославье» превращается в угрозу. Отдав требуемое, Бугор бросается проверять замки на амбарах, скотину в стойлах; «работников отматерил, заглянув в их вонючий домишко, который хуже свиного закута» [29, с. 67].

Боясь потерять захваченное когда-то силой, данной властью, колхозное добро, Бугор всю ночь прислушивается к звуку работающего тракторного мотора. Ему было не до праздника и не до сна. Жадность является мотивирующей основой его поведения. Даже наступление Рождества не заставляет Бугра проявить *сострадание* к односельчанам, у одного из которых он незаконно отобрал дом, а другому заплатил гроши за тяжелую сезонную работу.

Бабка Акуля, выбравшись из погреба, видит на ночном небе «синий плат и сияющий золотом лик… Увидела, обомлела и стала молитву творить: “Господи, помилуй нас всех, грешных… Царица небесная, радуйся… Помилуй нас…”» [29, с. 68]. Ее слова свидетельствуют о прощении Ваньки Шнурка. Только эта старая женщина оказывается способной к *преображению своей души*, только с ней происходит *«светлое рождественское чудо».*

Жанр рассказа «Грех юности» (2008) В.Н. Трошин определяет как дневник писателя, что дает возможность построить произведение в виде внутреннего монолога главного героя, который возвращается в прошлое, пытаясь понять природу своего поступка. Заглавие представлено словосочетанием, означающим нравственную оценку, и совмещает собственно номинативную функцию с оценочной.

Повествователь ретроспективно описывает годы учебы в геологоразведочном техникуме, друзей юности, первую любовь. Сюжет о внезапно захватившем героев чувстве наполнен сентиментальностью.

Следовательно, заглавие рассказа выражает авторскую оценку изображаемого, организуя читательское восприятие, оно создает эффект ожидания. Описание встречи героев развивается по законам *рождественского рассказа*. Лексика, описывающая сцену знакомства, эмоционально-возвышенная: «картина изумительная», «сказочное снежное царство», «сказочная тихая ночь». Выбежавшие из вагона девушки, «словно красивые ночные бабочки в своих ярких развевающихся платьицах» [69, с. 137].

Казалось бы, первая встреча героев открывает гармонию их чувств, их полное согласие друг с другом и окружающим миром. Взгляд рассказчика объединяет в *единую картину небо и землю*, всё Правобережное Поволжье.

В то же время в описание первой встречи вплетаются мотивы *святочного рассказа*. Виктор представляет себя собеседникам бывалым геологом, убившим медведя (что не соответствовало истине), в качестве доказательства этого факта показывает фотографии и ожерелье из зубов зверя. Чтобы остаться наедине с Эльвирой, он намеренно спаивает её попутчиков. Юноша играет придуманную им роль сильного и смелого человека, то есть предстает не в истинном облике, а надевает некую *маску*. Ощущение *карнавальности* происходящего усиливается танцевальным кружением влюбленных на каждой встречающейся станции.

Вторая встреча влюбленных становится контрастом по отношению к первой и разрушает *парадигмы рождественского рассказа*. 31 декабря, нагруженный новогодними подарками, герой приезжает в Волгоград, где живет Эльвира. «Охваченный вдруг необъяснимым страхом», он «едва плелся по грязному фабричному поселку» [69, с. 143]. Появившаяся перед

влюбленным Эльвира не соответствовала его мечтам и фантазиям, осознание этого «буквально раздавило, растоптало» героя [69, с. 143].

Отношения персонажей после этой встречи прекращаются, *чуда* не происходит. В том и заключается «грех юности» героя, что он растрачивает свою любовь на написание стихов, на письма, полные обещаний. А когда приходит время выполнять обещанное, Виктор испугался.

П.Р. Черкашин пишет рассказ «Дорога под звездами» (2009), где, используя специфику *рождественского жанра*, поднимает один из важных вопросов, стоящих перед современным российским обществом: «Кто является главой семьи?» Писатель дает прямой ответ трагическим финалом произведения.

События небольшого рассказа происходят в рождественские праздники. Главный герой, работавший истопником в поселковой бане, поздно вечером возвращается домой, где узнает о желании жены отомстить Верке Коневой.

Дубинкин Н. Старый причал

Месть заключается в том, что Михаил поедет в поле, возьмет один из стогов Коневых и перевезет к себе на сеновал. Приближается буран, поэтому ехать надо немедленно: «пока тихо да небо ясно», а потом «буран будет, все следы напрочь заметет, как будто того стога и не было» [78, с. 224]. Михаил едет исполнять желание жены.

Автор вводит в повествование рождественский пейзаж. Душа Михаила тянется к этой *вечной красоте*. Перед тем, как перенести сено в сани, он смотрит в звездную высь:

– Красота-то!.. – прошептал он восхищенно [78, с. 225].

Герой не вспоминает о празднике Рождества, но особая красота и торжественность окружающей природы доходят до его сердца. Михаил второй раз за вечер обращает свой взор к небу и звездам. Он приходит к пониманию *«красоты в Боге»* [6, с. 127]. Кажется, еще мгновение и *произойдет рождественское чудо преображения героя*: он откажется подчиняться прихоти жены и вернется домой.

Начавшееся как рождественский рассказ, произведение Черкашина внезапно проявляет *черты святочного рассказа*. Тишину и покой, разлитые в природе, резко сменяет «неповторимо жуткая мертвенная тишь» [78, с. 225], которая обычно наступает перед разгулом стихии.

В рассказе «Дорога под звездами» *рождественского чуда преображения жизни* не происходит. Герой останавливается на своем пути к соединению с *божественной красотой*. Ему не достает ни физических, ни душевных сил, ни времени на размышления о мире и о своем месте в нем. Михаил уступает требованиям жены отомстить, но получается, что этот поступок разрушает его семью, оставляет сиротами детей.

Рождество – самый светлый и радостный праздник в годовом литургическом цикле. Но в XX веке советские люди стали связывать надежды на обновление жизни государства и отдельной личности с *новогодним праздником*.

Современные прозаики отступают от *рождественского канона времени*, перенося события в своих произведениях в какой-либо день одного из зимних месяцев или в новогоднюю ночь. Подобное отступление служит цели создания современной картины мира, более точному отражению *реалий*

эпохи. Подобное изменение времени действия рождественского жанра есть и в произведении В.С. Токаревой «Рождественский рассказ» (1999). На первый взгляд кажется, что только название связано с христианским архетипом. События пятилетней давности вспоминает успешная студентка. С прозрачной ясностью она описывает свои детские переживания по поводу выбитого из рук горшка с цветком. Героиня ретроспективно излагает эпизоды покупки цветка герани, ухода за ним и торжественного шествования в школу. Девочка хочет, чтобы весь класс любовался цветком: «Приятно ведь смотреть в компании. Как картины в музеях…» [66, с. 166]. Ее желание доставить радость одноклассникам не осуществляется: цветок выбил из рук Борька Карпов, «глотник и дурак» [66, с. 167]. Простой конфликт между одноклассниками перерос во внутренний, психологический конфликт.

Мотив непрощёной обиды помогает понять равнодушие рассказчицы к своей судьбе, ее безволие. Она сама определяет себе неинтересное будущее: «поступила в университет на экономический, хотя собиралась на филологию»; встречается с юношей, который её «раздражает».

Несоблюдение главным персонажем *христианских заповедей* вновь и вновь заставляет её переживать историю с цветком. Назревший конфликт чудесным образом разрешается в ночь под Новый год. Героиня встречает обидчика. Но, столкнувшись с ним лицом к лицу, она поступает как христианка. Девушка заговаривает с обидчиком, а затем протягивает Борьке, онемевшему от удивления, розу. Героиня не может объяснить свой порыв, но происходит чудо: глаза Борьки «вспыхнули узнаванием» [66, с. 172].

Сострадание вызывает не «красивый и наглый, хозяин жизни», а солдат «в казенной шинели» [66, с. 171], сутулый и убогий, изрядно побитый судьбой. В развязке говорится, что героиня смогла разрешить свой *духовный конфликт*, её внешняя красота гармонична с внутренней, душевной красотой. Она прощает поверженного жизнью врага. И это преодоление обиды открывает ей мир заново: «жизнь прекрасна, несмотря на быстротечность и на бессмысленную жестокость. Несмотря ни на что…» [66, с. 172].

Чудо духовного преображения, происшедшее с главным персонажем, является основным признаком рождественского рассказа; героиня приходит к пониманию сущности *христианской любви*.

В рассказе Токаревой время действия указано точно: «Сегодня тридцать первое декабря. Новый год» [66, с. 169]. Писательница отступает от канонов исследуемого жанра. «Рождественский рассказ» очень точно отражает советскую эпоху, когда *главным праздником* считался Новый год. Встреча наступающего года была связана с надеждами на счастливые перемены; по советской традиции новогоднюю ночь проводят в кругу семьи или друзей, под бой курантов стараются успеть загадать желание; воспитанные атеистами советские люди начинают *приписывать* смене календарного года *волшебные, чудесные свойства, перенеся божественную суть Рождества на обычный праздник*.

Токарева, давая такое название рассказу, подчеркивает обеднение жизни своих современников, обращает их к дореволюционным традициям, когда все праздники были проникнуты божественной квинтэссенцией.

На примере жизни одной семьи Токарева изображает *духовное состояние* общества в начале 90-х годов XX века. Экономический кризис ведет к психологическому надлому людей из-за профессиональной невостребованности, *вызывает нравственную дезориентацию*. В семье героини нет согласия, взрослые – истинные дети своего атеистического времени. Члены семейства глухи к переживаниям девочки, и она остается на долгие годы наедине со своей обидой. Никто не подсказывает ей простить обидчика.

Подобное разрушение временных рамок рождественского рассказа присутствует и в произведении Л.Е. Улицкой «Капустное чудо» (2003).

Название представляет один из главных признаков рождественского рассказа – *наличие чуда*. В центре произведения – поход девочек за капустой для засолки. Описание этого события даётся в традициях классических образцов рождественских рассказов Достоевского, Куприна, Чехова. Ноябрьский пейзаж, портреты девочек, реплики стоящих в очереди – все вызывает сострадание к судьбе маленьких сироток, потерявших деньги. Страх лишиться только что обретенного приюта достигает кульминации. Упавшие к

ногам девочек с проезжавшей машины два кочана капусты ведут к *чудесной развязке*: сестры получают возможность вернуться домой.

Текст Улицкой имеет все отличительные черты рождественского рассказа: главные герои – сироты; девочки терпеливо и кротко переносят свои скорби; получение ими двух вилков капусты воспринимается как подарок свыше.

Время действия рассказа Улицкой не отвечает канонам рождественского жанра, так как события в нем происходят в ноябре 1946 года. Это год после Великой Победы. Рассказывая о судьбе маленьких сироток, писательница корреспондирует нас в то далекое время, когда радость от преодоления пережитого сплачивает людей, делает их более восприимчивыми к чужому горю, помогает сотворить чудо.

По сложившейся в советское время традиции – закреплять чудесные события за новогодними праздниками Е.С. Есаулова связывает время своего рассказа «Алое и белое» (2018) с приближающимся Новым годом. Но все же в рассказе отражены те перемены, которые произошли в духовной жизни людей в последние два десятилетия.

Писательница повествует о трудной жизни простых людей в конце XX века. Третьеклассница Тая, возвращаясь из школы, видит в витрине модного бутика два бархатных длинных платья. Бутик был украшен к новогоднему празднику искусственной серебряной ёлкой.

Девочка с восторгом рассматривает платья, мечтая пойти на школьный праздник в одном из них. Приехавшая за ней уставшая мать ругает Таю за детские мечты. Мать и дочь – сироты, это характерный признак рождественского рассказа. Родительница Таи – воспитанница детского дома, вынуждена браться за любую работу, чтобы выжить. Отец девочки погиб на чеченской войне. Неустроенная жизнь рано состарила женщину. Раздражение от навалившихся проблем мать вымещает на дочери. Первая часть рассказа создает у читателя ощущение безысходности.

Но главная героиня, как это и должно быть в рождественском рассказе, обращается с просьбой к Богу. Девочка идет в церковь с искренней верой в чудо. Она помнит, что скоро Рождество. Начатки веры ей привила бывшая хозяйка квартиры – Никаноровна. К сожалению, старая женщина не успела

окрестить Таю. В храме с детской непосредственностью ребенок обращается к Богу с просьбой о рождественском подарке для себя и матери.

Рассказ завершает рождественское чудо. Хозяйка бутика, вновь увидев Таю у витрины магазина, выносит ей два пакета с понравившимися платьями. Ею движет чувство сострадания к бедной девочке и к себе – обеспеченной, но не имеющей возможности общаться с родной дочерью. Отдавая дорогие платья Тае, хозяйка бутика слышит от нее совет – обратиться с просьбой к Богу.

Приближающийся праздник Рождества приносит радость в маленькую семью героини: приезжает бабушка Таисия – мама погибшего отца девочки. Чудо Рождества в том, что ей удалось найти внучку:

– Как же долго я вас искала! Теперь мы уже никогда не расстанемся [32, с. 40].

Таким образом, *способы восприятия времени* передают в современной рождественской прозе особый способ бытия и помогают моделированию *культурной картины мира*.

Подобную функцию выполняют и *способы восприятия пространства*. Создавая единую картину мира конкретного сообщества, способы восприятия времени и пространства переводят *скрытые смыслы на вербальный уровень*. Так, звучащий в отдельных произведениях рождественской прозы мотив объединения людей всего мира в одну семью открывает *мотив распространения* Евангелия по всей земле (Лк. 13, 29; Мф. 28; 19).

На первый взгляд кажется, что рассказ «Путь осла» (2005) Л.Е. Улицкой нельзя отнести к рождественской прозе. События, описанные в нем, происходят осенью во Франции. Рассказчица Женя во второй раз приезжает на фестиваль. Она останавливается погостить у своей подруги Женевьев, живущей в глухой деревушке в горах. Из Экс-ан-Прованса Женю подвозит на своей машине старый друг Женевьев – Марсель и приятельница Аньес.

Гости приезжают в начале ужина, на который приходят Жан-Пьер – бывший муж Женевьев со своей второй женой Мари, десятилетней дочерью Иветт и трехлетним сыном Шарлем. Здесь же присутствует знаменитая певица из Америки – Эйлин, тоже приехавшая на фестиваль.

Рассказчица, кроме Женевьев, видит всех гостей впервые, но «в воздухе происходило нечто такое», что они в этот момент ей «были ближе друзей и родственников, возникла какая-то мгновенная сильнейшая связь, природу которой не … объяснить» [71, с. 18].

Дубинкин Н. В лесу

После ужина Иветт исполняет музыкальные произведения, которые подготовила к Рождеству. Извлекаемые ею звуки «складывались в наивную мелодию», и Женевьев неожиданно запела высоким голосом: «Возьми свою гармошку, возьми свою свирель… нет, скорее флейту… сегодня ночью рождается Христос…» [71, с. 19]. После дуэта девочки и хозяйки дома Женевьев играет на пианино, затем к ней присоединяется с кларнетом Марсель.

Неожиданно для всех начинает петь Эйлин. Она поет, держа на руках маленького Шарля, его ручки и ножки болтаются, как тряпочные. Ребенок болен, он не говорит, ничего не может делать самостоятельно.

В то время, когда Эйлин исполняет старомодный американский псалом, аристократка Аньес льет «атеистические слезы» [71, с. 22]. У рассказчицы возникает ощущение, что, «несмотря на совершенно неподходящее время года, происходило Рождество» [71, с. 22]. Внезапно на пороге появляется живущий неподалеку пастух с раненым ягнёнком на руках. Эйлин показывает малышу ягнёнка. К радости всех Шарль произносит первое слово: «L’agneau!». В этой межнациональной коммуникативной ситуации герои обнаруживают высокую степень взаимного уважения и нравственной сдержанности.

В это время гостья из России выходит из дома, ожидая, что «все будет бело, что холодный воздух обожжет лицо, и снег заскрипит под ногами». Но вместо этого рассказчица видит «высокое южное небо… Преувеличенные звезды. И вдруг одна, большая, как яблоко, прочертила все небо из края в край сверкающим росчерком и упала за шиворот горизонта» [71, с. 23].

Ощущение происходящего Рождества появляется не только у Жени, ее поддерживает и Женевьев. Женщины отыскивают в окружающей обстановке все необходимые элементы Рождества: «младенец, Мария и ее старый муж, пастух, эта негритянская колдунья …, присутствовал агнец и звезда подала знак…» [71, с. 24]. Развязкой становятся размышления рассказчицы о чуде.

Появлению ощущения наступившего Рождества способствуют *рождественские атрибуты*, а также атмосфера *взаимной любви* и *привязанности*, *чувства единения* и *общности*. В доме Женевьев собрались люди разных национальностей, разного возраста и образа жизни, но все они – *христиане*. Совместное пение и музицирование помогают героям рассказа отыскать в себе Бога и обратиться к Нему. Ощущение единой семьи, прекрасно переданное Улицкой, и становится тем чудом, о котором риторически вопрошает героиня. Таким образом, общность основополагающих нравственных принципов ведет в рассказе Улицкой к *диалогу культур*.

В отдельных произведениях современной прозы происходит *смыкание* рождественского и пасхального архетипов, что становится проявлением способности христианских архетипов быть *духовно организующей основой* деятельности героев.

В романе «Доброволец» (2007) Д.М. Володихина события Гражданской войны описаны «с точки зрения» корниловской армии. Сбережение добровольцами традиций православия особенно полно проявляется в сцене празднования Рождества.

В Сочельник отменяют расстрел большевика: «Нельзя губить человека в светлый праздник: порвутся невидимые, но крепчайшие нити, сдерживающие наш космос от окончательного падения» [17, с. 88]. Согласно приказу ротного пленного выводят за околицу и отпускают.

В день Рождества Христова капитан Алферьев приказывает выстроить добровольцев еще затемно. Смертельно уставшие, голодные люди высказывают недовольство. Алферьев произносит небольшую торжественную речь:

– Тут нет ни одного иерея на много верст во все стороны… И никому в этой степи не будет ни праздничной службы, ни молебна. Но я хочу, чтобы вы помнили: все наши драки, вся наша кровь и даже отсутствие харчей – еще не главное. Сегодня родился наш Спаситель, терпевший за нас и вознесшийся на небеса, смертию смерть поправ. И души наши ждет вечная жизнь, даже если тело подстрелят и проваляется оно в сугробе до весны, сами знаете… Вот о чем надо помнить. Вот самое главное [17, с. 88].

Затем все присутствующие читают молитву «Отче наш». После слов:

– Корниловцы! Поздравляю вас со светлым праздником Рождества Христова! [17, с. 91], добровольцы разошлись по хатам. В том доме, где ночевал Денисов, был накрыт праздничный стол. Вероятно, капитан выстроил воинов не только для поздравления, но и для того, чтобы дать возможность порученцам подготовить приятный сюрприз. Увидев праздничный стол, один из офицеров произнес:

– Вот вам и чудо… [17, с. 91].

В православном понимании *вечности жизни* добровольцы черпают силы для дальнейшей борьбы.

Рождественская идея преобразования земного мира акцентуируется в заглавии сказки Р.У. Хуснутдиновой – «Рождество в зоне» (2004). Сюжет произведения строится вокруг подготовки и представления рождественских сцен из Евангелия.

Замыслу постановки спектакля предшествует появление в зоне отца Гавриила и начало восстановления небольшой церкви. Имя священника – аллюзия на Благовещение Пресвятой Деве Марии (Лк. 1, 26–38). Среди заключенных находятся и режиссер, и актеры, и участники хора, и рабочие сцены. Роль Девы Марии поручают единственной женщине – поварихе Люсе.

Под одобрительными взглядами зрителей постановка идет к своему завершению: «И вдруг, перекрывая все звуки, в зале раздался голос Младенца. В зале все замерли» [76, с. 93]. Некоторые заключенные бросаются на сцену, падают перед яслями на колени, оставляют свои подарки. Это кульминационная сцена рассказа. Она знаменует *преображение людей*. Заключенные принимают Христа, и их сердца становятся Вифлеемскими яслями.

Плачет настоящий ребенок: к заключенному Рубашкину приехала жена с полугодовалым сыном.

К концу текста в сказке Хуснутдиновой начинает доминировать самый главный, на наш взгляд, канонический признак рождественского жанра –

«любовь действенная». Рождество делает любовь центром внутрисемейных отношений и помогает сплотить вокруг него всю семью. Такой семьей становятся все заключенные. Время действия рассказа Хуснутдиновой, как и в произведениях ее современников, смещено в новогодний праздник. Текст, созданный писательницей, является рождественской прозой не только потому, что в нем дается интерпретация евангельских сцен, но и потому, что здесь присутствуют все канонические признаки рождественского произведения.

В конце произведения в рождественский архетип вплетается пасхальный: «Кондратьев довольным голосом произнёс: «А Рубашкин – то наш – молодец! Надо попросить его сотворить еще спектакль, к Пасхе! Вы согласны?» И отец Гавриил опять кивнул» [76, с. 94].

Подобный феномен завершает и рассказ «Рождество» (2005) Л. В. Шаманского. В нем присутствуют все атрибуты рождества: *елка, подарки, свечи*. Повествователь вспоминает поездку к бабушке. *Мотив дороги* содержит аллюзию на прибытие Святого семейства в Вифлеем. Рождественскую картину дополняет мерцающая *звезда*.

В заключительной части этого рождественского рассказа усматривается *эксплицитный пасхальный смысл*. Однажды утром мама будит сына словами: «Христос воскресе!» При этом она вкладывает в его руку крашеное яичко и осторожно целует. Когда рассказчик повторяет за ней ответ «Воистину воскресе», «вдруг что-то больно сжимается в … груди…» [80, с. 113]. Эйдос Воскресения завершает рождественский рассказ, еще раз подчеркивая *архетипичность* Пасхи в сознании русского человека.

Таким образом, в начале 1990-х годов рождественский жанр возвращается в отечественную прозу. Обращение к христианским традициям, возрождение годового православного круга способствуют появлению новых произведений рождественской тематики. Появляются публикации тематических сборников, переиздания произведений классиков русской литературы, творческие конкурсы. Но в XX веке советские люди начинают связывать надежды на обновление жизни государства и отдельной личности с новогодним праздником.

Современные прозаики отступают от рождественского *канона времени*, перенося события в своих произведениях в какой-либо день одного из зимних месяцев или в новогоднюю ночь. Подобное отступление служит цели создания современной картины мира, более точному отражению реалий времени.

На рубеже XX–XXI веков появляются как произведения, отвечающие всем классическим жанровым канонам, так и трансформирующие основные универсалии. Следуя сложившейся в XX веке традиции, современные прозаики закрепляют нехарактерное для рождественской прозы время действия. Модифицируется время, но при этом сохраняются все содержательные стилистические и духовно-нравственные характеристики рождественского жанра.

Во многих произведениях события происходят в новогоднюю ночь или в какой-то другой день календарного года. Есть группа рождественских рассказов, в которых авторы также отступают от канонического времени действия, она объединена общим принципом развития сюжета. В подобных произведениях доминирует мотив объединения людей разных национальностей чувством христианской любви, распространения Евангелия по всей земле.

В современной рождественской прозе намечается еще одна тенденция развития: писатели вводят архетип Воскресения. Это вновь подчеркивает особую значимость Пасхи для культуры русского народа. Благодаря этому акценту форма рождественского рассказа не может быть идентична святочному. В ней проявляется мотив вечной жизни, который мощным завершающим аккордом звучит в финальной сцене рассказа.

В некоторых современных рождественских рассказах находит отражение процесс изменения канонических жанровых признаков. Отдельные авторы сумели увидеть и зафиксировать в своих произведениях процесс *социальной аномии*. Это состояние выражается в отчужденности человека от общества, апатии, разочарованности в жизни, преступности.

Еще одна модификация рождественского рассказа проявляется через трансформацию канонических жанровых признаков. В числе современных

рождественских произведений следует отметить появление текстов, которые изначально развиваются по законам рождественского жанра, но в последующих сценах в результате вплетения в текст элементов святочного сюжета начинают проявлять признаки святочного рассказа. Их развязка драматична, что является особенностью святочного жанра.

Глава 3.
Становление жанра святочного рассказа

Истоки *святочного жанра* – в русском фольклоре. Его название связано со Святками (от глагола «святить»). В древности у христиан было принято освящать все торжественные праздники благочестивыми делами: цари уменьшают подати, миряне, выполняя наставления священников, творят милостыню. Эти дни, насыщенные душеспасительными делами, называют Святыми, или Святками.

Простой народ после окончания Рождественского поста наполняет это время играми и забавами. «Мы нигде не видим, чтобы Святки праздновались с такой безотчетной веселостью, как среди русских», – пишет исследователь отечественного духовного достояния А.В. Терещенко [65, с. 641].

Святочные забавы разнообразны. К ним относятся не только гадания, но и различные игры: фанты, жмурки, ряжение. Обычно наряжаются козой, журавлем, медведем. «Маски, бывшие в обиходе у нас издревле, преследовались духовенством… Архиепископ Лука в поучении своем XII в. запрещает «москолюдствовать», т. е. принимать нечеловеческие образы» [65, с. 641–642]. В дни Святок в кругу родных, соседей, друзей было принято рассказывать *былички* или *бывальщины*.

Былички и *бывальщины* относятся к несказочной прозе. Интерес к ней возник лишь в XX веке. Это объясняется тем, что «в повседневном бытовании прозаические жанры фольклора не имеют наименований» [82, с. 69]. Названные жанры наделены установкой на достоверность, их *прикладное назначение* – передавать исторические, политические, религиозные, бытовые и другие новости.

Слово *«**быличка**»* было введено в фольклористику Б.М. и Ю.М. Соколовыми, услышавшими его от крестьян Белозерского края. Быличкой в народе называют небольшой рассказ о столкновении человека с инфернальной

силой. Нарратив существует в форме личного свидетельства. Быличка относится к «суеверному мемората» [82, с. 70].

Когда этот одноэпизодный рассказ обрастает рядом подробностей, вносимых новыми нарраторами, то есть начинает не только информировать, пугать, но и развлекать, тогда быличка, становясь «суеверным фабулатом» [82, с. 71], переходит в другой жанр. Фольклористы обозначают его словом «**бывальщина**». Это определение в словаре Даля имеет синонимы – бывалка, былица, былина, быль – и пояснение – «что было, случилось, рассказ не вымышленный, а правдивый; старина; иногда вымысел, но сбыточный, несказочный. *Бывальщину слушать лучше сказки. Быль не сказка: из нее слова не выкинешь*» [24, с. 148].

Писатели часто используют в своем творчестве жанры несказочной прозы. Э.С. Кочергин пишет цикл «Питерские былички» (2004), куда входят рассказы о 40–60-х годах XX века. Ранее А.Н. Толстой создает два цикла: «Русалочьи сказки» и «Сорочьи сказки» (1923). Сказками эти произведения можно назвать лишь условно: они несут в себе признаки страшной или смешной былички.

Т.Н. Толстая, возможно, уже под влиянием этих произведений своего деда пишет рассказ «Окошко» (2003), в котором явственно прослеживаются жанровые признаки *былички*.

Трехмерное пространство рассказа из-за необдуманных действий главного персонажа становится двухмерным: присутствуют *мир реальный и преисподняя*. О существовании *мира горнего* Шульгин или забывает, или просто не знает. Увидев у соседа – Валеры Фролова дефицитные предметы, герой добивается от него признания, что эти вещи получены им бесплатно из некоего «окошка». Главное условие, как понял из собственного опыта Фролов, «когда оттуда крикнут, скажем: «Кофемолка!» – надо обязательно тоже крикнуть: «Беру!» [68, с. 8].

Благодаря «окошку» Шульгин становится обладателем многих ненужных вещей: валенок, различных электроприборов, резинового коврика, книги «Русская пародия» Новикова и др. Он завидует Фролову, у которого в каждой комнате было по телевизору, а квартира чудесным образом расширяется «куда-то вглубь, куда никоим образом уходить» не могла [68, с. 12].

После того, как «окошко» выдает букет, Шульгин знакомится с Оксаной и вскоре женится. Молодой семье нужна коляска для ребенка, и персонаж вновь отправляется к заветному «окошку». Он ни разу не задумывается о необходимости устроиться на работу. Шульгин ждет от неизвестного «Якубовича» исполнения своих желаний, не чувствуя по отдельным деталям реальной действительности всей пагубности своего поведения.

Постепенно квартира заставляется ненужными вещами: «коробки громоздились до самого потолка, заполнили все три комнаты, в коридоре вообще можно было протиснуться только боком» [68, с. 17].

Затем выясняется, что полученное из «окошка» нельзя подарить или продать: последует наказание. После того, как Шульгин продаёт на Савеловском рынке за треть цены бойлерную, его комната уменьшается на один метр.

Он продолжает ходить «к окошку как на работу» [68, с. 15], через два месяца «невидимая нечисть» [68, с. 17] расширяет квартиру: появляется новая комната.

Шульгин по-прежнему иногда заходит к Фролову Валере поиграть, но делать это стало неудобно: «по полу были всюду проложены рельсы, а по рельсам ходили вагонетки и все время сбивали то шашки, то чашечку с кофе» [68, с. 18]. Персонаж размышляет о социальном неравенстве. У Фролова постоянно расширяется комната, тот стал уже олигархом, а у него только трехкомнатная квартира и жена – «торговка сосисками» [68, с. 18].

Мотив свободного выбора человека четко просматривается во всем ходе развития сюжета. Здесь однозначно осуждаются накопительство, жажда власти, богатства и другие характеристики *модуса обладания*.

Нежелание решать семейные проблемы самому, ненасытная жажда потребления разрушают жизнь Шульгина. Появление из «окошка» няньки, выглядящей как «мечта сержанта» [68, с. 18], вносит разлад в отношения супругов.

В рассказе Толстой показано *нисхождение* двух главных героев. Фролов, не сумевший преодолеть силу *инерции потребления*, исчезает в преисподней – «Совете Федерации». А второй персонаж оказывается перед

экзистенциальным выбором, главным условием которого является *отказ от обладания*. Писательница обрывает повествование на кульминационной сцене, тем самым еще более усиливая трагичность положения своего героя.

Жанровые особенности святочного рассказа первым описывает Н.С. Лесков. Писатель создает цикл, куда включает четырнадцать святочных рассказов, написанных в разное время для рождественских и новогодних номеров периодических изданий. В предисловии к циклу он отмечает, что только немногие из них «имеют элемент *чудесного* – в смысле сверхчувственного и таинственного. В прочих причудливое или загадочное имеет свои основания не в сверхъестественном или сверхчувствительном, а истекает из свойств русского духа…» [47, с. 440].

Через все рассказы автор проводит мысль о *возможности преобразования общества через нравственное совершенствование человека, через устройство его жизни на христианских началах любви, сострадания, взаимопомощи*.

В рассказе «Жемчужное ожерелье» Лесков отмечает «однообразие» святочных текстов из-за «слишком тесной и правильно ограниченной формы».

Н.Н. Старыгина, определяя жанровую специфику святочного рассказа, выделяет его первичные и вторичные признаки. По её мнению, «Святочный рассказ … моралистичен и назидателен: характеризуя жизнь и личность героя, автор предъявляет к ним высшие критерии оценки – заповеди Иисуса Христа» [63, с. 78].

Ко вторичным признакам исследуемого жанра Старыгина относит: 1) приуроченность действия к Рождественским праздникам или Святкам; 2) описание чудесных событий, которые определяют духовное перерождение героя; 3) счастливую развязку [63, с. 79].

Современная писательница О. А. Николаева обращается к видовым особенностям святочного рассказа в повести «Ничего страшного». Один из её героев отмечает:

– Во-первых, события должны происходить между Рождеством и Крещеньем, то есть на Святках по определению. Во-вторых, в рассказе должен быть некий элемент недоразумения или мистификации, и в конце концов

недоразумение должно быть разрешено, а мистификация разоблачена… И в-третьих, все заканчивается преображением жизни. Если этого нет, то это просто байка [54, с. 62–63].

Следовательно, Николаева считает непременным признаком святочного рассказа возвращение или обращение человека к Богу, упование на Него в сложных жизненных ситуациях. Христианско-нравственная проблематика, по ее мнению, является доминирующей в содержании произведения. И в этом мнение писательницы совпадает с утверждением Старыгиной.

Точнее, на наш взгляд, определяет жанровые каноны Есаулов. Названные исследователем универсалии вида проводят четкую грань между рождественскими и святочными рассказами:

«пафос самовольного изменения судьбы»;

«самоутверждение в земной жизни становится важнее духовного спасения» («иерархия выворачивается наизнанку»);

«карнавальная» игра с переодеванием, святочные *потехи, маски* [31, с. 69–70].

Есаулов сумел увидеть и сформулировать те признаки святочного жанра, которые создают его автономность, делают *недопустимой синонимию с рождественским.*

Названные Есауловым признаки святочного жанра позволяют по-новому взглянуть на события рассказа «Путаница» Куприна. Случайные попутчики решают выдать одного из них за сумасшедшего, чтобы получить отдельное купе и провести ночь спокойно, так как накануне Рождества (время действия указано – двадцать четвертое декабря) «поезд был переполнен пассажирами» [45, т. 1, с. 318].

По жребию (что является по своей сути гаданием) «роль сумасшедшего» выпадает рассказчику. «Комедия» с сумасшествием «была проделана с поразительной натуральностью» [45, т. 1, с. 319], и попутчики получают отдельное купе. Таким образом, реализуются все признаки святочного рассказа. Герои *самовольно изменяют судьбу* впервые встретившегося им человека, надевая на него *маску* сумасшедшего. Они *нарушают иерархию*, решив подшутить над тем, кто старше по возрасту. Обстоятельства складываются так, что *личина* сумасшедшего становится истинным *лицом* персонажа.

Рассказы

Рождественский	Святочный
Идейное содержание	
Преображение человека. Обращение его к Богу. «Светлое рождественское чудо» (Есаулов)	«Опровержение вредного предрассудка» (Лесков) «Преображение жизни» (Николаева) «Самоутверждение в земной жизни становится важнее духовного спасения» (Есаулов)
Цель произведения	
Создать праздничное настроение. Дать нравственный урок.	Развеселить, напугать. Дать нравственный урок.
Истоки жанра	
Европейский рождественский рассказ.	Быличка, бывальщина.
Время действия	
Рождественский Сочельник. Рождество.	Рождество. Святки
Непременные атрибуты	
Ель, звезда, ясли, свечи, подарки.	Метель, замерзшая река, овраг, кладбище.
Принципы развития сюжета	
Устремленность к чудесному событию (неожиданная помощь, обновление жизни, любовь действенная, традиции рождественской благотворительности).	Фантастика. Мистификация. «Самовольная перемена судьбы» (Есаулов)
Исторические персонажи	
Богородица, Иосиф, Младенец, волхвы, пастухи, царь Ирод.	-
Традиционные герои	
Сиротка. Семья.	Инфернальные силы.
Поэтика	
Молитвы. Обращения к Богу, Богородице, святым.	Гадания, игры, ряжение.
Введение малых фольклорных форм	
Христославье.	Колядки.

Герои рассказа Куприна обманно добиваются своей цели. Праздничное ожидание секуляризируется. Даже оказавшись на станции своего прибытия, попутчики продолжают «*потеху*».

Происшедшее с дворянином Пчеловодовым предостерегает, что святочные *потехи, переодевания, маски* – не только веселые атрибуты праздничного бытия, но они могут таить в себе и очевидное *инфернальное начало*.

Итак, истоки святочного жанра – в русском фольклоре, в несказочной прозе: *быличке* и *бывальщине*. Их исследование началось лишь в середине XX века. Как правило, в старину интерес к ним был ограничен Святками – днями веселья, ряжения, забав. Названные жанры имеют установку на достоверность, их прикладное назначение – передавать исторические, политические, религиозные, бытовые и другие новости, развеселить или напугать, дать нравственный урок. *Непременные атрибуты* святочного рассказа – метель, замерзшая река, овраг, кладбище, *традиционные герои* – инфернальные силы. Поскольку время действия этого рассказа Святки, то в сюжете присутствует колядка, гадание, ряжение.

Выявленные в ходе исследования различия в жанрах рождественского и святочного рассказов отражены в таблице (*см. выше*).

Глава 4.
Святочные произведения в современном творчестве

В начале XXI века одновременно с появлением рождественской прозы наблюдается возрождение и святочной. Новаторство современных прозаиков проявляется в обращении к созданию крупных жанровых форм исследуемого вида.

Жанр своего произведения «Против часовой» (2004) Н.Ю. Климонтович обозначает как святочный роман. Подобное жанровое определение активизирует ожидания читателя. Аналогично многим современным прозаикам, обращающимся к забытым формам рождественского и святочного рассказов, Климонтович отходит от *традиционного времени действия*: основные события в романе происходят перед праздником Нового года и завершаются накануне Рождества.

В романе «Против часовой» главным признаком святочного жанра становится *мистификация*. Она возникает в первой главе и является своеобразной завязкой.

Суть мистификации – *фантастика*. В Государственной Думе обсуждается проект Указа, который гласит, что «в сжатые сроки все жены в стране – будь то разведенные или состоящие в повторном браке – должны будут вернуться к своим первым мужьям» [39, с. 57]. Распространяющийся на уровне слухов, он немедленно завладевает сознанием главной героини и заставляет пересмотреть и изменить жизнь.

Годы учебы, замужество главной героини представлены в ретроспекции. Экскурсом в ее будущее становится эпилог. Основным принципом развития сюжета является «*самовольная перемена судьбы*». Внешне благополучная и успешная в жизни Наталья Ардальоновна Брезгина покупает туристическую путевку в Мексику и уезжает, как становится ясно из эпилога, навсегда.

Благодаря авторской характеристике о героине известно почти все. Она доцент, преподаватель вуза, имеет двух несовершеннолетних дочерей, муж – военный, дослужился до звания полковника. Очень благополучная семья.

Но за внешним блеском скрывается *душевная пустота* Наташи, внутренний мир которой заполнен предсказаниями гороскопа, знанием характеристики человека по его имени, интересом к разным гаданиям.

Автор раскрывает непонимание героиней своего жизненного предназначения. Ее размышления о собственной жизни представляют перечисление материальных благ: «Так и прожили два десятка лет: первые роды, капитан научился гладить пеленки, подкапливали на то да се, защита кандидатской, банкет…, первый цветной телевизор, … отдельная квартира…; вторая беременность; … гарнитур дорогой…; пылесос *Сименс* и стиральная машина *Бош*…» [39, с. 72–73].

В погоне за престижными вещами и устройством обеспеченной жизни-отдыха Наташа не замечает любви мужа, которая проявляется не в словах, а в ежедневной заботе. Найдя перед отъездом когда-то присланную ею открытку, бережно хранимую супругом, она лишь удивляется этому факту.

Предъявляя претензии к мужу, героиня забывает о требовательности к себе. Автор заставляет читателя поразмышлять о том, какая она мать и хозяйка, вводя эпизод с новогодней елкой.

Находясь в состоянии эмоционального подъема перед поездкой в Мексику, Наташа покупает настоящую елку (обычно обходятся искусственной), мишуру, «новую, разноцветно мигающую красным, зеленым, желтым и фиолетовым глазами» [39, с. 73] гирлянду.

Новогодняя красавица создает в доме атмосферу праздника, даже старшая дочь ахает, увидев елку, «забралась с ногами в кресло под торшер – значит, никуда не пойдет» [39, с. 73]. Этот эпизод становится сигналом о том, что занятая собой Наташа не смогла создать в семье *атмосферу взаимного притяжения и тепла.*

Байкова А. Рождественский натюрморт

В своем инфантилизме главный персонаж уподобляется подростку, стремящемуся вырваться из-под опеки. Героиня завидует свободе своих замужних подруг, их возможности иметь внебрачные сексуальные связи. Ее *нравственные представления размыты*: «Нет, конечно, за ней ухаживали, но все это была одна платоника. Ну разве что недавно на кафедре она отдалась своему аспиранту» [39, с. 59].

У взрослой женщины отсутствует понятие *греха*. Она готова к любовным приключениям и ради острых ощущений бездумно разрушает свой брак и семью.

В роли *инфернальной силы* в романе «Против часовой» выступают разные персонажи. Климонтович отходит от классических образов святочных произведений, их заменяют люди, но их связь с потусторонней силой хорошо прочитывается.

В своей соседке в самолете Наташа вдруг узнает цыганку, встреченную в юности: «Не буквально, конечно, та самая, но как бы перевоплощение той…» [39, с. 83]. Это «узнавание» не настораживает героиню, напротив, она проникается к Сольвейг доверием и объясняет цель своей поездки в Мексику.

Не способная к анализу, Наташа не замечает предостерегающие знаки во внешнем облике новой знакомой. У Сольвейг была искусственная нога, что должно было вызвать у героини ассоциацию с пиратом Сильвером из романа Р. Л. Стивенсона «Остров сокровищ» и предупредить об опасности. Ее алчность автор передает через некрасивое поведение во время еды: «Сольвейг О'Хара разинула пасть – у нее во рту мелькнула сбоку внизу пара золотых коронок – и разом проглотила половину рогалика» [39, с. 82].

В русской литературе закрепилось своеобразное восприятие золотых зубов у персонажа: «Это знак вульгарного самоутверждения представителей накопительского и криминального миров» [84, с. 218].

Сочетание имени и фамилии мексиканки парадоксально. Мать Сольвейг, любительница произведений Эдварда Грига, дает дочери имя романтичной героини норвежского композитора. Фамилия, доставшаяся от мужа – мексиканца ирландского происхождения, свидетельствует о характере жестком, решительном, склонном к преодолению препятствий любыми средствами.

Подлинную суть отношения Сольвейг к Наташе помогают понять *ключевые слова*. Так как это объемное прозаическое произведение, то в их роли выступает ряд слов. Конденсируя информацию, выраженную целым текстом, они обращают внимание на потаенный смысл слов мексиканки, якобы дающей советы в качестве доброй подруги: «Виктор очень влиятельный и

полезный человек, детка. И очень добрый. Будь с ним поласковее»; «Не валяй дурочку, детка… Виктор не такой человек, чтобы просто так – как это по-русски – транжирить свое время. Отказываться нельзя… Будь счастлива и не глупи…» [39, с. 92]. Разумеется, Сольвейг действует в собственных интересах, знакомя Наташу с Виктором.

Виктор продолжает галерею *инфернальной силы*. Он представляется как «адвокат, дипломат, писатель». Помощь Наташе в ее поездке – это своеобразное развлечение для пресыщенного мексиканца. События святочного романа развиваются в соответствии с классическими канонами. *Карнавальное действие* начинается с «маскарада». У себя в номере Наташа обнаруживает платье, присланное Виктором, точно такое, о котором она мечтала, ей только остается восклицать: «Как он догадался, как он мог догадаться?» [39, с. 100]. Святочные *потехи, переодевания, маски* – не только веселые атрибуты праздника, но они могут таить в себе и очевидное *инфернальное начало*.

Ложность выбора героиней дальнейшего жизненного пути направляется *фальшивым*, непривычным для нее сценарием празднования Нового года. Праздник в стиле «фиеста мексикано» разворачивается как некое действо, способствующее возбуждению низменных чувств гостей: «Больше всего Наташу поразил темп, в котором все вокруг как-то разом закрутилось» [39, с. 100].

Писатель подробно перечисляет номера новогоднего концерта, подводя читателя к мысли о том, что произошла карнавальная подмена настоящего праздника.

Подтекстовые мотивы становятся ясны при обнаружении аллюзийности коллизий романа Климонтовича. Аллюзия на очерк М. Горького «Город желтого дьявола» раскрывает «тягу» автора «к незыблемым ценностям идеологии», «ритуальную верность идеям» [4, с. 13], стремление *сохранить преемственность в русской литературе.*

На последнем этапе своей поездки к первому мужу Наташа делает слабую попытку вернуться к прежней жизни. Героиня исходит из традиционной установки, основанной на стабильности существования: «Она сомневалась и всячески корила себя… говорила себе *куда, зачем, зачем*… Она уже

представляла, как, сидя на уютной кухне Алки, будет потягивать мартини… и рассказывать о своих невероятных приключениях» [39, с. 105].

Символично, что в этот момент Наташа лишается чемодана, где хранилось карнавальное платье. У героини еще есть возможность вернуться домой, но она от нее отказывается. *«Карнавальная»* игра с переменой ролей продолжается.

Персонаж стремится любой ценой добиться успеха, который для нее связан с обретением статуса жены первого мужа Валерки. Нельзя сказать, что окончательный выбор был сделан героиней сознательно («Кажется, после всего перенесенного Наташа была не совсем в себе» [39, с. 108], но в романе «Против часовой» эта её роль становится последней. С этого момента *«маска»* жены заменяет её *подлинное лицо*.

Наваждение не заканчивается, а целиком овладевает жизнью героини. Подчинившись найденному мужу, она согласна на все: быть второй женой, перебраться в США, отказаться от православной веры.

Роман «Против часовой» передает скорбь автора об утрате прекрасного женского образа, который воспевала русская литература XIX и XX веков. Она была хранительницей очага, надежной опорой мужа, любящей матерью, была наделена жертвенностью.

Причину исчезновения классического образа писатель видит в *утрате веры*, а следовательно, и *нравственных устоев*. Вера героини Климонтовича слаба. Её жизнь является развернутой иллюстрацией евангельской притчи о сеятеле. Слово Божие находит для своего прорастания в душе человека различные условия. Восприятие истин православия Наташей было поверхностным, неглубоким, о подобных в притче сказано: «упало при дороге» (Мф. 13, 4).

Героиня лишь изредка заходит в храм, чтобы поставить свечку перед иконой. Без душевной работы в её жизни нет основательности, уверенности, умения видеть приметы опасности. Она не слушает своего сердца, которое говорит ей о *роковом наваждении* в самом начале романа. В подобных ситуациях герои классических святочных произведений обращаются с молитвой к Богу и святым. Не зная этого, Наташа встает на *путь самовольной перемены судьбы*.

Святочная повесть «Ничего страшного» (2005) О. А. Николаевой состоит из двух частей. Основу первой составляют пять святочных рассказов хозяйки дома и её гостей – монахов, пришедших отметить наступление Святок. Каждый рассказ раскрывает собственную тему, мотивы которой продолжают развиваться во второй части и получают некое завершение.

Первый сюжет звучит из уст монаха Лазаря. Он повествует об истории любви своей сестры и школьного приятеля Алеши. Эта святочная история рассказывает не только о чудесном спасении героев, она свидетельствует о *просвещении разума и души человеческой, обратившейся с молитвой к Богу*.

Следующая история, приготовленная хозяйкой, была связана со святочными гаданиями о замужестве. В юные годы подруга рассказчицы обращается к такому варианту *народных гаданий*: на тарелке свечой сжигает бумагу, затем рассматривает тень, отбрасываемую на стену оставшимся пеплом. Повествовательница медитативно пересказывает эту историю, решив, что она не дотягивает до высокой планки поучительности первой.

Тогда она озвучивает другой реальный случай, связанный со Святками. Здесь присутствует современный вид гаданий – *гороскоп*. Мораль этого святочного рассказа выводит Лазарь: «По вере вашей да будет вам» [54, с. 70].

Святочный рассказ, поведанный игуменом Иустином, содержит предысторию его прихода к вере. По своей сути это комическая ситуация положений. Сам игумен считает свою святочную историю иллюстрацией того, как «Хозяин «собирает, где не сеял». Все может сделать орудием нашего спасения» [54, с. 72]. Эта цитата из Евангелия взята из притчи о талантах (Мф. 25, 14–30).

Иконописец Дионисий рассказывает историю, произошедшую с неким иноком. Его рассказ, основанный на широко известном *анекдотическом сюжете с попугаем*, утверждает идею о том, что «может Господь и через неразумную тварь учинить свое святое заступничество» [54, с. 74].

Последняя история этой части повести является *мистической*. Она основана на фольклорном мотиве неразменного рубля. Её рассказывает шофер монастыря.

Поведанные святочные истории помогают передать *атмосферу* Святок, показывают дружеское расположение героев друг к другу и объясняют, почему они откликаются на призыв повествовательницы о помощи по защите дома. В то же время все пять историй и сама повесть в целом раскрывают основную *идею текста*: «ничего страшного не произойдет, если душа человека устремлена к Богу».

Для усиления мистификации Николаева вводит в сюжет повести нехарактерный для этого времени года предмет – рыболовную сеть. Эпизод появления среди защитников дома Лазаря с сетью является реминисценцией на *евангельский сюжет* о призвании первых учеников на апостольское служение.

В повести Николаевой монах Лазарь уподобляется апостолам. Он пытается использовать сеть по прямому назначению – для ловли. Спутывать герой предполагает бандитов, засевших, как ему представляется, в доме. В итоге был «пойман» Ваня.

Для характеристики своего бывшего студента рассказчица вводит в текст известную дразнилку. Несостоявшийся поэт Ваня попадает из одной неприятной ситуации в другую. Подмосковный священник, познакомившись с юношей, видя его бесхитростность и слабый характер, советует:

– Ваня, … тебе нельзя от храма ни ногой. Пропадешь ведь [54, с. 79].

Все попытки младенчески наивного героя жить самостоятельно заканчиваются потерей. Он лишается семьи, имущества, крова, свободы. Пройдя через тяготы жизни и лишения, Ваня в конце повести *обретает дом* и *наставника*.

В повести Николаевой взаимодействуют два принципа сюжетостроения. Циклическое построение сочетается с «нанизыванием» событий внутри рамки. Рассказ повествовательницы о покупке жилья в Троицке играет роль экспозиции и вводит в текст *мотив дома*. Проходя через структуру произведения, он открывает себя в финальной сцене.

Начальная и конечная ситуации подобны, хотя в последней происходят внутренние изменения. Теперь «непутевый» Ваня пытается обрести дом – место для жизни. Мотив дома становится пуантом для структуры повести, придавая ей органичность.

Рассказчица покупает дом, чтобы иметь возможность почаще приезжать к своему духовному отцу, живущему в здешнем монастыре. Этот дом стоит на возвышении. Он так понравился повествовательнице, что она сокровенно думает о ином его назначении. Если вдруг вновь начнутся гонения на православную веру, то его можно будет использовать в качестве потаенного монастыря.

Эти размышления повествователя вполне соответствуют символике слова *«дом»*, которая отличается внутренним единством и богатством значений. Дом является уменьшенной моделью вселенной. Это «освоенное, покоренное, «одомашненное» пространство, где человек находится в безопасности» [84, с. 159]. Не случайно дети рассказчицы воспринимают его как родовое гнездо.

Для защиты дома в зимнее время повествовательница поселяет туда по очереди разных людей, но никто из них не справляется с обязанностями: имущество расхищается, интерьер портится.

Во второй части произведения Николаева повествует о том, как знакомые рассказчицы пытаются охранять дом. Эта часть текста выдержана в традициях фольклорных *бывальщин*. *Мистификацию* подготавливает ожидание появления сына бывшей хозяйки дома, который после отбывания тюремного срока хотел здесь встретиться с родным братом. Прежние владельцы живут в Эстонии, а визу получить сложно. В связи с этим вышедший из заключения посетил рассказчицу и ознакомил её со своим планом встречи.

С этого момента сюжет второй части произведения развивается по законам *кумулятивной сказки*. Каждый встреченный рассказчицей герой обещает присмотреть за домом, уверяя её в своих способностях защитить его.

Все последующие немотивированные события нанизываются, присоединяются друг к другу. Поступки персонажей, наделенных аналогичной функцией (присматривать за домом), нарастают и приближаются к развязке.

Петрова А. Зимний пейзаж

В кумулятивный сюжет второй части вплетаются *элементы святочного рассказа: ряжение и переодевание*. Явившийся за своим дневником отец Дионисий, чтобы скрыться от городских гуляк и избежать насмешек, переодевается в искусственную собачью шубку. А шедший от крестника монах Лазарь, путь которого лежит через весь город, «перекинул полы подрясника на плечи, а сверху надел черное длинное пальто, замотал лицо шарфом, надвинул на лоб осеннюю кепку, да еще для вящей маскировки надел – и это в кромешной-то темноте! – темные же очки» [54, с. 88].

Рассказчица, поручив своим знакомым приглядывать за домом, спешит на железнодорожный вокзал за проездным билетом. Но в этой части сюжета начинает действовать закон эпической ретардации.

Неожиданная встреча с бывшим студентом Ваней, ставшим по ряду жизненных обстоятельств бездомным, заставляет её принять участие в его судьбе. Повествовательница, вручив «непутевому» герою ключ от своего дома в Троицке, отправляет его пожить в нем.

Противоречия *«планов»* персонажей и *«стихии жизни»*, которые выражаются в ретардации, откладывают отъезд основного рассказчика. Ретардация значительно драматизирует ситуацию.

Кузнецова А. Тройка

Все персонажи сходятся в одну точку: приходят проверить, все ли в порядке в доме. По законам святочного жанра возникает *мистификация*: добропорядочные герои из-за нелепой одежды принимают друг друга за бандитов. Подобно катастрофе в архаическом жанре, в повести Николаевой финал получается веселым.

В то же время символика дома синонимична *храму, церкви, монастырю*. Храм – «дом Божий, Небо на земле» [51, с. 504]. Греческое слово «церковь» переводится как «дом Господень» [51, с. 514].

Отношение к монастырю, как к дому, усматривается в поведении наместника Иустина. Обеспокоившись долгим отсутствием братий, он отправляется на их поиски. И именно его появление (а затем возвращение рассказчицы) кладет конец путанице и неясности.

Васильева Е. Зима

Забирая Лазаря и Дионисия под крепкие своды монастыря, Иустин предлагает взять с собой Ваню. И «непутевый» персонаж, уйдя с наместником, «больше никогда не выходил из монастыря» [54, с. 99]. Таким образом, и эта «заблудшая овца» возвращается к своему истинному пастырю. Возникает аллюзия на *Небесный Дом, Небесную Родину*.

Этот финальный эпизод позволяет переосмыслить ход событий в целом. Выбор героя вызывает этическую оценку его поступка рассказчицей. В заключительных словах возникает антитеза. Шофер наместника Никифорович «оказался неблагонадежен для монастыря» [54, с. 100]. Он, хоть и принимает постриг, но в свободное время стремится побывать в собственном доме, купленном неподалеку. Этот персонаж более привязан к *земному*, нежели к *небесному*.

Мотив дома становится доминирующим в повести «Ничего страшного». Его истинный смысл открывается только в заключительных эпизодах. Почти все герои произведения Николаевой стремятся обрести собственный дом – *Небесную Родину*.

В современной литературе святочный жанр востребован мало. Знаменательно то, что появившиеся святочные произведения облечены в большие эпические формы. Их авторы прекрасно знают канонические основы избранной формы и творят в ее рамках.

В романе «Против часовой» Климонтовича святочные мотивы карнавала, переодевания, смены масок, легкости жизненных перемен обнажают *актуальную* в современной прозе *проблему взаимоотношений в семье*, выделяя главный ее аспект – кому должна принадлежать ведущая роль в супружестве.

Главная героиня романа, давно тяготящаяся своей сытой, безмятежной жизнью, *самовольно* меняет свою судьбу. Климонтович выбирает один из *традиционных* сюжетных ходов святочной прозы – *изменение, перевоплощение героя*, в частности *освобождение от социальной роли* и от того типа сознания, которые определяют его взаимоотношения с окружающими на каком-то этапе жизни.

Писатель переосмысляет традиционный святочный мотив «нечистой силы». В её образе предстают новые знакомые персонажа. Представление об инфернальном автор создает с помощью своеобразных словесных «*маячков*», которыми их маркирует. У цыганки, предсказавшей Наташе одного мужа, пальцы были в золотых кольцах. У соседки по самолету – Сольвейг – искусственная нога. В народном сознании – это негативная маркировка. Украшение индианки в точности повторяет серебряный браслет мексиканки. И героиня видит между ними определенную связь, но не может избавиться от наваждения.

Внутреннюю суть нового знакомого – Виктора – раскрывает обилие золотых безделушек. Золото во всех странах является символом изобилия и благополучия. Но это и знак идолопоклонства, обозначающий *постоянный искус материального*.

Понимание смысла слова «дом» у персонажей романа «Против часовой» и его автора – разнятся. Для Сольвейг «дом» – Мексика, Валерка пытается обрести новый дом в США. Наташа легкомысленно оставляет свой дом в Москве, и теперь ей предстоит путем *обмана*, «*маскарада*», «*ряжения*» приобретать новый. Персонажи рассуждают о земном месте обитания, для них его главная примета – комфорт, бытовые удобства, показная роскошь. Писатель имеет в виду «*Небесный Дом*». Он становится недостижимым для героини, самовольно *переменившей свою судьбу* и тем самым отказавшейся от веры.

Повесть Николаевой «Ничего страшного» отличается композиционным изяществом. Отдавая дань далекой старине, писательница включает в первую часть текста пять святочных рассказов, которые не только способствуют развлечению слушателей, но и дают *нравственный урок*.

Основой внутреннего мира второй части повести Николаевой становится *карнавальная игра с переодеванием*. Выяснение взаимоотношений, определение «свой – чужой» создают удивительную атмосферу святочного произведения, в котором нет «ничего страшного».

Произведение Николаевой окутано музыкой интонационно-ценностного контекста, в котором оно понимается и оценивается. Автор целенаправленно подводит читателя к осознанию важности «добраться, углубиться до *творческого ядра личности* (в творческом ядре личность продолжает жить, то есть бессмертна)» [6, с. 371]. Святочные мотивы повести Николаевой обнажают *проблему чуда жизни и смерти*, наделяя произведение не только воспитательной, но и познавательной функцией.

Святочные произведения Николаевой и Климонтовича имеют свои собственные внутренние темы. Эти разные по содержанию книги объединяет мотив устремленности человека в поиске пути к *Небесной Родине*.

Заключение

Сегодня снят запрет на произведения религиозно-философской тематики. Благодаря этому в литературу возвращается жанр рождественского рассказа. Он отличается от других литературно-художественных видов тем, что человек соотносится в нём не только с жизнью общества, но и с универсальными законами мира и космоса.

События, рассказывающие в Евангелии от Матфея (гл. 2) и Евангелии от Луки (гл. 2) о рождении Богочеловека Иисуса Христа, способствуют появлению рождественского архетипа. Он обусловливает содержательные качества и формальные свойства рождественского рассказа.

В русской литературе 19 века это был традиционный жанр, с четкими границами, с определёнными жанровыми канонами. Они были восприняты русской прозой из западноевропейской литературы, а впоследствии закреплены собственной традицией.

Действие рождественского рассказа непременно должно происходить в Сочельник или на Рождество. Здесь присутствуют непременные атрибуты этого праздника – ель, звезда, ясли, свечи, подарки, традиционные герои – семья, сиротка, вводится малая фольклорная форма христославья.

В современной рождественской прозе можно выделить различные модификации жанра. Фиксируя процесс социальной аномии, авторы (Бонч-Осмоловская «Рождественский романс», Семенов «Рондо на день Рождества Христова» и др.) показывают, что в условиях современного социокультурного кризиса он ведет к варваризации общества.

Другие прозаики (Екимов «Праздник») через модификацию рождественского жанра исследуют деперсонализацию бытия, являющуюся результатом пренебрежения уникальностью и неповторимостью человеческой индивидуальности.

Проявлением еще одной модификации классического жанра становится изменение способа восприятия пространства и времени. С целью создания более точного отражения реалий эпохи писатели (Токарева «Рождественский рассказ», Улицкая «Капустное чудо») переносят события в иную временную плоскость. Моделируя культурную картину мира, изменяющую способы восприятия времени и пространства, прозаики (Бонч-Осмоловская «Рождественский романс», Улицкая «Путь осла») переводят скрытые смыслы на вербальный уровень, утверждая мотив распространения Евангелия по всей земле.

Феномен смыкания рождественской и пасхальной парадигмы (Володихин «Доброволец», Хуснутдинова «Рождество в зоне», Шаманский «Рождество») становится проявлением способности христианских архетипов быть духовно организующей основой деятельности героев. Подобная модификация жанрового канона окончательно отделяет рождественскую форму рассказа от святочной.

Святочный жанр в современной прозе мало востребован. Новаторство прозаиков проявляется в обращении к созданию крупных эпических форм – повести и роману.

Список используемых источников

1. Аверинцев С.С. Крещение Руси и путь русской культуры // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. М.: Наука, 1991. С. 52–60.

2. Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Языки русской культуры, 1996. 448 с.

3. Агеносов В.В., Колядич Т.М., Трубина Л.А. Русская проза конца XX века / под ред. Т.М. Колядич. М.: Изд-кий центр «Академия», 2005. 424 с.

4. Анненский Л.А. Меч мудрости, или Русский плюс. М.: Алгоритм, 2009. 336 с.

5. Анненский Л.А. Лесковское ожерелье. М.: Книга, 1986. 304 с.

6. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров / текст подгот. Г. С. Бернштейн, Л. В. Дерюгина / примеч. С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979. 424 с.

7. Безбородкина Е.С. Обсуждение вопросов жизни и смерти при изучении рождественских рассказов [Электронный ресурс]. URL: http://palomnik.org/bibl_lit/bibl/edu_svyat/

8. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов. СПб.: Паритет, 2007. 320 с.

9. Белокурова С.П., Друговейко С.В. Русская литература: конец XX в.: Уроки современной русской литературы. М.: Паритет, 2001. 512 с.

10. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические. М.: Российское Библейское общество, 1992. 292 с.

11. Блок А.А. Собрание сочинений: в 8 т. / под общ. ред. В.Н.Орлова, А.А. Суркова, К.И. Чуковского. М.-Л.: Художественная литература, 1962. Т. 5. 799 с.

12. Большакова А.Ю. От сущности к имени: теории архетипа. Ч. 1. Ульяновск: Ульяновский ГТУ, 2010. 208 с.

13. Бонч-Осмоловская М.А. Рождественский романс: рассказ // Нева. 2005. № 7. С. 72–87.

14. Булыко А.Н. Большой словарь иностранных слов: 35 тысяч слов. 2-е изд., испр. М.: Мартин, 2008. 704 с.

15. Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Воскресенье, 2006. Т. 4: Воды многие (1914–1926). Грамматика любви (1914–1926). 536 с.

16. Вениамин (Пушкарь), архиепископ. Священная Библейская история. Часть I. Ветхий Завет. Часть II. Новый Завет. СПб.: Завет, 2003. 767 с.

17. Володихин Д.М. Доброволец. СПб.: Лениздат, 2007. 384 с.

18. Воронина Н.И. Теоретическая культурология. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2006. 228 с.

19. Вьюнов Ю.А. Русский культурный архетип: страноведение России: учебное пособие. М.: Наука: Флинта, 2005. 480 с.

20. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы: очерки русской литературы XX века. М.: Наука: Восточная литература, 1994. 304 с.

21. Голубков М.М. Русская литература XX в.: После раскола: учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2002. 267 с.

22. Горький М. Собрание сочинений: в 8 т. / сост. С.А. Небольсин, А.М. Ушаков / худож. М.З. Шлосберг. М.: Сов. Россия, 1987. Т. 2. 512 с., 1 л. портр.

23. Давыдова Т.Т., Пронин В.А. Теория литературы: учебное пособие. М.: Логос, 2003. 232 с.

24. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1989–1991.

Т. 1: А-З. 1989. 699с., 1 портр.

Т. 2: И-О. 1989. 779с., 1 портр.

Т. 3: П. 1990. 555с., 1 портр.

Т. 4: Р-V. 1991. 683с., 1 портр.

25. Дунаев М.М. Виртуальное литературоведение // http://rusk.ru/st.php?idar =16761/

26. Душечкина Е.В., Баран Х. Настали вечера народного веселья… // Чудо рождественской ночи: святочные рассказы. Сб.: Художественная литература, 1993. С. 3–32.

27. Душечкина Е.В. Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. 256 с.

28. Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. науч. тр. СПб.: Алетейя, 2011. Вып. 6. 408 с.

29. Екимов Б.П. Праздник: рассказ // Новый мир. 2010. № 7. С. 55–68.

30. Екимов Б.П. Фетисыч: рассказ // Новый мир. 1996. № 2. С. 3–15.

31. Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. 560 с.

32. Есаулова Е.С. Алое и белое // Осень жизни – время золотое: сб. рассказов. М.: Воскресение, 2018. 224 с.

33. Житие и чудеса святителя Николая Чудотворца / сост. Ф. Гусев, А. Вознесенский / с издания: СПб., Синод. типогр., 1899. М.: Ковчег, 2005. 448с.

34. Зощенко М.М. Рассказы для детей / сост. и предисл. Ю.В. Томашевского / худож. Н.В. Беланов, М.А. Скобелев. М.: Пушкинская библиотека: Астрель: АСТ, 2005. 188, [4] с.: ил. (Внеклассное чтение).

35. Иоанн, архиепископ Белгородский и Старооскольский, Городова Мария. Корабль спасения. М.: Астрель: АСТ, 2008. 460, [4] с.: ил. (Домашнее богословие).

36. История русской литературы. XX век: в 2 ч. / под ред. В.В. Агеносова. М.: Дрофа, 2007. Ч. 2. 540, [4] с.

37. Казин А.Л. Великая Россия: религия, культура, политика. СПб.: ИД «Петрополис», 2007. 612 с.

38. Капустин Н.В. Жанровые разновидности рассказа и их видоизменения у Чехова // Капустин Н.В. «Чужое слово» в прозе А.П. Чехова: жанровые трансформации. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2008. С. 42–119.

39. Климонтович Н.Ю. Против часовой: роман // Октябрь. 2004. № 11. С. 55–109.

40. Кормилов С.И. Рецензия на книгу И.А. Есаулова «Пасхальность русской словесности»» // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2006. № 3. С. 147–155.

41. Коростелева В.А. Парнаса дорогие имена. М.: Академика, 2011. 271 с.

42. Кочергин Э.С. Питерские былички // Знамя. 2004. № 8. С. 107–117.

43. Крупин В.Н. Зимние ступени: рождественский рассказ // Православный паломник. 2003. № 6. С. 24–27.

44. Культурология: XX век: словарь / под ред. С.Я. Левита. СПб.: Унив. кн., 1997. 630 с.

45. Куприн А.И. Полное собрание сочинений: в 10 т.

Т. 1: Повести. Рассказы. Очерки. Стихотворения. Эпиграммы. Афоризмы. Романы. М.: Воскресенье, 2006. 528 с.: ил.

Т. 3: Повесть. Рассказы. М.: Воскресенье, 2007. 656 с.: ил.

46. Кучерская М.А. Вечность среди комнаты: о святочных рассказах. URL: http://old.fomacen/ter/ru/litfond/index/php?issue=4&seltion=54& article=588

47. Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 12 т. / сост. и общ. ред. В. Ю. Троицкого. М.: Правда, 1989. Т. 7. 462, [2] с., [4] л. ил.

48. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 360 с.

49. Литературный энциклопедический словарь / редкол.: Л.Г. Андреев, Н.И. Балашов, А.Г. Бочаров [и др.] / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. 751 с.

50. Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелёв. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. 272 с.

51. Мовлева Н.С. Малый православный толковый словарь. М.: Русский язык: Медиа, 2005. VIII, 527, [9] с.

52. Недзвецкий В.А. Круглый стол “«Религиозное» литературоведение: обретения и утраты” // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2006. № 3. С. 90–146.

53. Нефагина Г.Л. Русская проза второй половины 80-х – начала 90-х годов XX века: учеб. пособ. для студ. вузов. Минск: Экономпресс, 1998. 231 с.

54. Николаева О.А. Ничего страшного: святочная повесть // Знамя. 2005. № 12. С. 56–100.

55. Новиков Вл. Словарь модных слов. М.: АСТ-Пресс, 2011. 256 с.

56. Огрызко В.В. Русские писатели: Современная эпоха: Лексикон. М.: Литературная Россия, 2004. 545 с.

57. Пранцова Г.В. Рождественская проза в русской литературе XIX–XX веков: элективный курс для 10–11 классов: программа. Методические материалы к занятиям. Хрестоматия. Пенза: Пензенский гос. педагогический ун-т им. В. Г. Белинского, 2009. 272 с.

58. Рождественская звезда. 1996–2008 / сост. О.В. Савлова, А.А. Бажанов. Саранск: Красный Октябрь, 2008. 246 с.

59. Рождественское чудо: рассказы современных писателей. М.: Издат. дом «Никея», 2016. 229 с.

60. Саба Санди. Рождественская сказка // Рождественская звезда. 1996 – 2008 / сост. О.В. Савлова, А.А. Бажанов. Саранск: Красный Октябрь, 2008. С. 51–67.

61. Семенов В.Ф. Черный квадрат. М.: Огонек: Терра – Книжный клуб, 2008. 31 с.

62. Смирнов И.П. Диахроническая трансформация литературных жанров и мотивов. Wien, 1981. 262 с.

63. Старыгина Н.Н. Лесков в школе. М.: Владос, 2000. 360 с.

64. Теория литературы: учебное пособие для студентов филологического факультета высших учебных заведений: в 2 т. / под ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Академия, 2004.

65. Терещенко А.В. История культуры русского народа. М.: ЭКСМО, 2007. 729 с.

66. Токарева В.С. Гладкое личико: повести и рассказы. М.: АСТ, 2001. 336 с.

67. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова: в 4 т. М.: Астрель: АСТ, 2000.

68. Толстая Т.Н. Не кысь. М.: Эксмо, 2003. 608 с.

69. Трошин В.Н. Грех юности: рассказ // Наш современник. 2008. № 8. С. 134–147.

70. Тюпа В.И. Анализ художественного текста: учебное пособие для студентов филологического факультета высших учебных заведений. 2-е изд., стереотипное. М.: Академия, 2008. 336 с.

71. Улицкая Л.Е. Люди нашего царя. М.: ЭКСМО, 2005. 368 с.

72. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. М.:ИНФРА-М, 2007. 576 с.

73. Фрейзер Дж. Золотая ветвь: исследования магии и религии / пер. М.К. Рыкина. М.: Академический проект, 2012. 854 с.

74. Хализев В.Е. Теория литературы: учебник. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2002. 437 с.

75. Христианство и русская литература. Взаимодействие этнокультурных и религиозно-этических традиций в русской мысли и литературе / Рос. академия наук, Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом). СПб.: Наука. Сб. 5 / отв. ред. В.А. Котельников, О.А. Фетисенко. 2006. 738 с.

76. Хуснутдинова Р.У. Рождество в зоне: сказка // Знамя. 2004. № 12. С. 88–94.

77. Цыпин В., протоиерей. История русской православной церкви: синодальный и новейший периоды (1700–2005). 3-е изд., испр. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. 816 с.

78. Черкашин П.Р. Дорога под звездами // Наш современник. 2009. № 12. С. 222–226.

79. Чудо рождественской ночи: святочные рассказы / сост., вступ. ст., примеч. Е. Душечкиной, Х. Барана. СПб.: Худож. лит-ра, 1993. 704 с.

80. Шаманский Д. В. Рождество: рассказ // Нева. 2005. № 7. С. 107–113.

81. Шаров В.А. Будьте как дети: роман // Знамя. 2008. № 1. С. 5–96; № 2. С. 44–132.

82. Шафранская Э.Ф. Устное народное творчество: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2008. 352 с.

83. Щелоков Д.В. Перед Рождеством: рассказ // Наш современник. 2008. № 1. С. 25–31.

84. Энциклопедия: Символы, знаки, эмблемы / авт.-сост. В. Андреева, В. Куклов, А. Ровнер. М.: Астрель: АСТ, 2004. 556.

Приложения

Задания для исследовательской работы

1. Дайте определение жанру рождественского рассказа (воспользуйтесь «Кратким словарем символов, понятий и терминов». См. Приложение).

2. Познакомьтесь с «Рождественским рассказом» В. Токаревой. Соответствует ли, на ваш взгляд, название рассказа его содержанию.

3. Можно ли назвать «Рождественский рассказ» святочным? Как вы думаете, почему В. Токарева дала рассказу именно такое название?

4. Дайте характеристику главной героине «Рождественского рассказа». Какую жизненную теорию она придумала?

5. Почему рассказ В. Крупина называется «Зимние ступени»? Есть ли у заглавия скрытый смысл?

6. Верно ли В. Крупин определил жанр произведения – рождественский рассказ? (Докажите примерами из текста).

7. Определите жанр рассказа «Капустное чудо» Л. Улицкой. Свою точку зрения подтвердите примерами из текста.

8. Удачно ли Л. Улицкая выбрала название рассказа «Путь осла»? А как бы вы озаглавили рассказ?

9. Критик А. Цуркан считает, что в произведениях Л. Улицкой «всегда есть какой-то выход на философско-религиозный уровень, осмысление жизни, прорыв к вечному». Согласны ли вы с критиком?

10.Вспомните признаки рождественского рассказа (См. Главу 3). Можно ли отнести произведение Л. Улицкой «Приставная лестница» к рождественским рассказам?

11. «Многое и многих можно разглядеть, если вглядываться в лица людей с любовью и чутким вниманием. Именно так смотрит на нас эта женщина. Строгая, сдержанная, необыкновенно естественная Людмила Улицкая» (Г. Смирнова). Воспользовавшись текстом рассказов «Капустное чудо» и «Приставная лестница», докажите справедливость этих слов.

12.Познакомьтесь с текстом рассказа Т. Толстой «Окошко». Расскажите о жизненных ценностях Валеры Фролова и Шульгина.

Почему рассказ называется «Окошко»? (Воспользуйтесь «Кратким словарем символов, понятий и терминов». См. Приложение).

Какие библейские заповеди нарушил главный герой? Логична ли развязка рассказа? Что бы вы посоветовали Шульгину?

Могла ли в подобной ситуации оказаться Соня – героиня одноименного рассказа Т. Толстой?

Назовите основные признаки святочного рассказа (См. Главу 3).

13. Прочитайте рассказ В. Семёнова «Рондо на день Рождества Христова».

Определите время действия рассказа. Найдите в тексте указание.

Узнайте значение слова «рондо», обратившись к «Краткому словарю символов, понятий и терминов».

Выделите основные евангельские мотивы. Помогают ли они понять идею современной части рассказа?

14.Подготовьте рассказ для учащихся 5-го класса о Рождестве. Включите в него повествование о рождественской символике.

Кратко перескажите понравившийся вам рождественский рассказ.

15.Рассмотрите обложку книги «Рождественская проза в русской литературе XIX-XX веков». Соответствует ли, на ваш взгляд, данная обложка теме издания?

Предложите свой вариант (фото) обложки для данной книги.

16.Познакомьтесь с украшениями интерьера, разработанными старшим преподавателем кафедры «Изобразительное искусство и культурология» Н.В. Ларюшкиной.

Создайте свой вариант рождественского украшения интерьера.

17. Познакомьтесь с проектом «Рождественский вернисаж», который реализуется на факультете педагогики, психологии и социальных наук с 2015 года.

Ключевая идея проекта: содействие развитию и укреплению традиционных семейных ценностей.

Цель проекта: восстановление традиций празднования Рождества в российских семьях.

Задачи проекта:

1. Познакомить с историей празднования Рождества.

2. Дать представление о рождественской символике.

3. Разработать рекомендации для проведения внеурочных мероприятий со школьниками.

Реализация проекта:

В ноябре – декабре бакалавры профилей «Изобразительное искусство», «Музыка. Изобразительное искусство», «Начальное образование» готовят рождественские подарки, открытки, елочные игрушки, картины.

«Рождественский вернисаж» проводится во 2-ой половине декабря, перед зачетной сессией.

Сценарий рождественского вернисажа

Звучит мелодия из балета «Щелкунчик» П. Чайковского.

I. Чтение стихотворения о Рождестве:

Александр Блок

Сочельник в лесу

Ризу накрест обвязав,
Свечку к палке привязав,
Реет ангел невелик,
Реет лесом, светлолик.
В снежно-белой тишине
От сосны порхнет к сосне,
Тронет свечкою сучок –
Треснет, вспыхнет огонек,
Округлится, задрожит,
Как по нитке, побежит
Там и сям, и тут, и здесь…
Зимний лес сияет весь!

Так легко, как снежный пух,
Рождества крылатый дух
Озаряет небеса,
Сводит праздник на леса,
Чтоб от неба и земли
Светы встретиться могли,
Чтоб меж небом и землей
Загорелся луч иной,
Чтоб от света малых свеч

Длинный луч, как острый меч,

Сердце светом пронизал,

Путь неложный указал.

II. **1-й ведущий:**

Рождество у нас, В России, становится главным праздником в годовом цикле. Оно венчает рождественские каникулы. Это время, когда россияне имеют возможность побыть дома вместе со своей семьей.

Традиции празднования Рождества пришли из Европы. До того, как там стали наряжать живую ель, семья собиралась в день праздника вокруг маленького домашнего вертепа. Бедные люди вырезали из дерева фигурки для рождественского вертепа. Обычно их выставляли на столе или подоконнике.

Для богатых людей изготавливались вертепы из золота или серебра, а также из слоновой кости и драгоценных камней.

Обычай наряжать ель в день Рождества пришёл в Россию из Германии. Постепенно в нашей стране повсеместно в домах стали наряжать ель или сосну. До появления игрушек хвойные деревья украшали свечами и сладостями.

III. **2-й ведущий:** Чтение стихотворения.

Глафира Эйкерлинг

(псевдоним Г. Галина)

Ёлка

Ёлка ветви свои опустила,

Белый иней осыпал её...

Отчего мне так близко, так мило.

Деревцо ты родное мое?

Зеленея безмолвным приветом,

Ты приходишь как друг дорогой,

И надеждой и радостным светом

Загорается даль предо мной...

Вспыхнут ярко веселые свечи,

Засмеется душа как дитя...

И суровое время я встречу,

И холодные вьюги – шутя!

В наши дни возродился обычай украшения рождественской ели конфетами, пряниками, мандаринами. Послушайте, как можно приготовить рождественский пряник.

1-й ведущий: (Выступление студентки).

В ночь под Рождество детям клали подарки под украшенное дерево. Это могли быть игрушки, книги, конфеты.

Иногда вместе с подарком дети находили рождественскую открытку с добрыми пожеланиями от дарителей. К нашему празднику многие из вас приготовили рождественские открытки, позже вы их рассмотрите.

1-й ведущий:

Поэт А. Блок называл Рождество «самым чистым и светлым праздником». Он выделял в качестве главного, объединяющего всех людей в этот день чувства, – чувство «домашнего очага». Праздник делает центром отношений в семье – любовь, именно она объединяет всю семью.

"Рождественский подарок"

"Рождественская ёлочка"

Каждый из вас может выразить свою любовь близким, сделав подарок своими руками. Это могут быть художественные композиции, игрушки на ёлку, небольшие елочки для оформления интерьера. На нашем вернисаже представлены рождественские подарки, выполненные студентами, обучающимися по профилю «Начальное образование».

2-й ведущий:

Хорошим подарком может стать сюжетная картина. Пройдите по Рождественскому вернисажу и посмотрите на картины, созданные студентами профиля «Музыка. Изобразительное искусство». Эти работы способны создать приподнятое, праздничное настроение.

Мельникова А.

Палаева А.

Стеньковая Л.

Трубникова А.

1-й ведущий:

Приглашаем вас пройтись по нашему вернисажу. (Звучит мелодия из балета «Щелкунчик» П. Чайковского).

Разработайте собственный сценарий «Рождественского вернисажа» для обучающихся в 4-5 классах.

Темы эссе

1. Тема Рождества в русской литературе XIX-XX веков.

2. Мотив духовного преображения героини «Рождественского рассказа» В. Токаревой.

3. Образ времени и приёмы его художественного воплощения (на примере произведений В. Токаревой, Л. Улицкой, Б. Екимова).

4. Роль образа ребенка в художественном мире рассказов В. Токаревой, Л. Улицкой, Е. Есауловой.

5. Функция рождественского архетипа в структурной организации пространства в рассказе «Путь осла» Л. Улицкой.

6. Смысл названия рассказа «Капустное чудо» Л. Улицкой.

7. Роль иконы в идейном содержании рассказа «Рондо на день Рождества Христова» В. Семенова.

8. Жанровая специфика рассказа «Зимние ступени» В. Крупина.

9. Приёмы авторской оценки происходящего в рассказе «Окошко» Т. Толстой.

10. Концепция человека в художественном мире Т. Толстой.

11. Своеобразие композиции рассказа «Рондо на день Рождества Христова» В. Семенова.

12. Проблематика, своеобразие стиля рассказов Д. Шаманского, П. Черкашина, Д. Щелокова.

13. Смысл названия романа «Против часовой» Н. Климонтовича.

14. Основные жанровые признаки святочной повести «Ничего страшного» О. Николаевой.

15. Образ повествователя в рассказе «Грех юности» В. Трошина.

Краткие биографические сведения

Аверченко Аркадий Тимофеевич (1881-1925) – русский писатель. После 1917 г. – в эмиграции.

Андерсен (Andersen) Ханс Кристиан (1805-1875) – датский писатель-сказочник.

Андреев Леонид Николаевич (1871-1919) – русский писатель.

Блок Александр Александрович (1880-1921) – русский поэт.

Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873-1955) – советский партийный и государственный деятель, доктор исторических наук.

Бонч-Осмоловская Марина Андреевна – современный писатель.

Бунин Иван Алексеевич (1870 – 1953) – русский писатель.

Володихин Дмитрий Михайлович (р. 1969) – канндидат исторических наук, писатель.

Гайдар (наст. фамилия – Голиков) Аркадий Петрович (1904-1941) – советский писатель, один из основоположников детской советской литературы.

Гофман Эрнст Теодор Амадей (1776-1822) – немецкий писатель, композитор, художник.

Даль Владимир Иванович (1801-1872) – русский писатель, лексикограф, этнограф. Член-корреспондент Петербургской академии наук.

Диккенс (Dickens) Чарлз (1812-1870) – английский писатель.

Достоевский Федор Михайлович (1821-1881) – русский писатель.

Екимов Борис Петрович (р. 1938) – российский писатель.

Есаулов Иван Александрович (р.1960) – доктор филологических наук, литературовед.

Есаулова Елена Сергеевна – современный российский журналист.

Зощенко Михаил Михайлович (1894-1958) – советский писатель.

Климонтович Николай Юрьевич (р. 1951) – российский писатель, драматург.

Кормилов Сергей Иванович – доктор филологических наук, профессор.

Крупин Владимир Николаевич (р. 1941) – российский писатель.

Куприн Александр Иванович (1870-1938) – русский писатель. После 1917 в эмиграции. В 1937 вернулся в СССР.

Лейкин Николай Александрович (1841-1906) – русский писатель-юморист.

Лесков Николай Семёнович (1831-1895) – русский писатель, публицист.

Лихачёв Дмитрий Сергеевич (1906-1999) – советский литературовед, текстолог, академик АН СССР.

Николаева Олеся Александровна (р. 1955) – российский поэт, прозаик и переводчик.

Пирогов Николай Иванович (1810-1881) – русский анатом-хирург, педагог, общественный деятель, основоположник военно-полевой хирургии и анатомо-экспериментального направления в хирургии.

Пранцова Галина Васильевна (р. 1950) – кандидат педагогических наук, профессор.

Рубинштейн Антон Григорьевич (1829-1894) – русский пианист, композитор, дирижёр, музыкально-общественный деятель.

Семенов Виктор Федорович (р. 1947) – российский писатель, художник.

Соколов Борис Матвеевич (1889-1930) – русский фольклорист.

Соколов Юрий Матвеевич (1889-1941) – русский фольклорист.

Сологуб (наст. фамилия – Тетерников) Федор Кузьмич (1863-1927) – русский писатель.

Тамарченко Натан Давидович – доктор филологических наук, профессор.

Телешов Николай Дмитриевич (1867-1957) – русский советский писатель, заслуженный деятель искусств РСФСР.

Терещенко Александр Власьевич (1806-1865) – русский этнограф и археолог.

Токарева Виктория Самойловна (р. 1937) – российский писатель.

Толстой Алексей Николаевич (1882/83-1945) – русский, советский писатель, общественный деятель, академик АН СССР.

Толстая Татьяна Никитична (р. 1951) – российский писатель.

Трошин Владимир Николаевич – российский писатель.

Улицкая Людмила Евгеньевна (р. 1943) – российский писатель, прозаик и сценарист.

Хуснутдинова Роза Усмановна (р. 1940) – советский и российский сценарист, кинодраматург, писатель.

Чехов Антон Павлович (1860-1904) – русский писатель.

Шаров Владимир Александрович (р. 1952) – российский писатель.

Краткий словарь символов, понятий и терминов

Архетип – (от греч. «arche» – начало и «tupos» – образ) **–** 1) прообраз, первоначальный образ, идея; 2) в аналитической психологии К. Юнга архетипы – структуры «коллективного бессознательного», присущие от рождения всем людям, т.е. древнейшие общечеловеческие символы, лежащие в основе мифов, фольклора и самой культуры в целом.

Атрибут (лат. attribuo) **–** необходимое, существенное, неотъемлемое свойство объекта.

Вербальный (лат. verbalis) **–** словесный.

Вертеп (от лат. praesaepe) **–** ясли, кормушка для животных.

Волхвы – у древних славян: чародеи, колдуны.

Деталь художественная (от франц. **–** detail **–** подробность в произведении, несущая значительную смысловую и эмоциональную нагрузку, дает наглядное представление о героях и среде их обитания.

Динамика культуры – изменения культуры, описание культуры в движении; те средства, механизмы и процессы, которые описывают трансформацию культуры, ее изменение.

Икона – (от греч. eikon – изображение, образ) **–** в православии и католицизме изображение Иисуса Христа, Богоматери, святых и великомучеников.

Интерпретация (от лат. interpretation **–** разъяснение, истолкование) **–** истолкование литературного произведения, постижение его смысла, идеи, концепции.

Иерей (греч. **–** «священник») **–** в широком смысле: священнослужитель второй (средней) степени священства. Усвоенные обращения: «отец (имя)» или «батюшка».

Коляда – старинный рождественский и святочный обряд **–** хождение по домам с поздравлениями и песнями, с получением угощения.

Колядка – песня, исполняемая во время обряда Коляды.

Коммуникация – сообщение, общение.

Кульминация (лат. culmen **–** вершина) **–** точка высшего напряжения, подъема, развития чего-либо.

Кумулятивный – разновидность композиции в виде цепочного построения (сказки «Колобок», «Репка», «Петушок и бобовое зернышко»).

Контекст (от лат. «contextus» **–** сцепление, соединение, связь). В художественной литературе определяет конкретное содержание, выразительность и стилистическую окраску не только какого-либо фрагмента повествования, но и целого произведения, а также различных художественных средств (в том числе поэтических фигур, стихотворных ритмов и др.). Нарушение контекста разрушает художественное единство текста и самый художественный образ.

Конфликт (лат. conflictus **–** столкновение) **–** столкновение сторон, мнений, сил.

Медитация (лат. meditatio **–** размышление) **–** умственное действие, цель которого – приведение психики человека в состояние углубленности и сосредоточенности. Сопровождается телесной расслабленностью, отсутствием эмоциональных проявлений.

Менталитет – мировосприятие, умонастроение.

Ментальный – относящийся к уму, к умственной деятельности.

Мистификация – намеренное введение в обман, в заблуждение.

Модификация – то же, что видоизменение.

Молебен – один из видов частного богослужения. Отличается краткостью. Имеет просительный или благодарственный характер.

Мотив – это повторяющиеся, жизненно значимые ситуации, «простейшая повествовательная единица», неразложимая «клеточка» сюжета, «первые узлы, прикосновение к которым будит в нас определенные ряды образов» (А. Веселовский).

Нарратив – рассказ, повествование.

Обрядность – сложившиеся обряды, система обрядов; обрядовый обычай.

Парадигма – образец, тип, модель.

Приоритет – первенство по времени в открытии, изобретении чего-нибудь; вообще первенствующее положение.

Псалом – молитвенное песнопение Ветхого Завета, названное так благодаря музыкальному инструменту, в сопровождении которого оно исполнялось – «псалтыри». Автором всех псаломов является царь Давид. Псаломы составляют Псалтырь.

Рефрен – стих или строфа, в определенном порядке повторяющиеся в стихотворении.

Рождество (Рождество Христово) **–** главный христианский праздник из числа двунадесятых. Этот праздник православная церковь ежегодно празднует 7 января (25 декабря по старому стилю).

Рождественская звезда – новая звезда, появившаяся на небе во ознаменование рождения Иисуса Христа. Первыми ее увидели волхвы **–** мудрецы из Персии или Вавилонии. Они сразу поняли, что ожидаемый Царь уже родился, поэтому собрались в путь и пошли в Иерусалим. Рождественская звезда привела их в Вифлеем и остановилась над тем местом, где находился родившийся Младенец Иисус.

Романс – песня, лирическое стихотворение для пения с музыкой.

Рондо (итал. «rondo») **–** музыкальная форма, основанная на чередовании неизменной темы **–** рефрена и различных эпизодов.

Святки – начинаются с первого дня Рождества и продолжаются до Крещения 19 января (6 января по старому стилю). В это время принято ликовать и веселиться, но с умом и пользой.

Символ – то, что служит условным знаком какого-нибудь понятия, явления, идеи.

Социум – большая устойчивая социальная общность, выступающая как социальная система.

Сочельник – канун церковного праздника Рождества, а также Крещения.

Феномен – 1) явление, в котором обнаруживается сущность чего-нибудь; 2) о человеке или явлении, выдающемся, исключительном в каком-нибудь отношении.

Христославье – в праздник Рождества Христова ходить по домам славить Христа.

Эксплицитный (от лат. explicatio) **–** разъяснительный, дающий оценку чему-либо.

Монография

Козина Татьяна Николаевна

Модификация рождественского архетипа

В авторской редакции

Компьютерная верстка:
Ларюшкина Н.В.

Фото:
Дмитриева Е.А.

Формат 60.84/16. Усл. печ. л. 6,25
Тираж 500 экз.

Издательство: Консалтинговая компания Юком
Адрес редакции: 392000, г. Тамбов, а/я 44
E-mail: mon@ukonf.com